

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

ТОМЪ II.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Невскомъ просп., у Казан. моста
№ 30.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

1941

СВЯТКИ

ВЪ

СЕЛЪ ДАНИЛОВЪ

Очерки русской фабричной жизни.

Передъ нами большое село Данилово. Оно больше многихъ, не только что уѣздныхъ, но даже и губернскихъ городовъ, между тѣмъ какъ типъ его рѣшительно не подходитъ къ типамъ села, уѣзда, или губернии. Это что-то въ высокой степени смѣшанное и склеенное изъ крайне разнородныхъ элементовъ, такъ напри- мѣръ: въ Даниловѣ тяжело охаютъ и пронзительно свистятъ паровики громадныхъ фабрикъ, какъ въ Москвѣ, или Петер- бургѣ, и съ гигантской печалью вздыхаютъ о чемъ-то фабрич- ные трубы....

Коптятъ эти трубы своимъ дымомъ бѣлыя стѣны купеческихъ домовъ; сушатъ, стоящія вблизи ихъ, деревья; пускаютъ тяжелую, черную сажу по свѣтлой поверхности Даниловскихъ водъ, ко- торыя, обмывши въ себѣ сотни тысячъ пудовъ разноцвѣтныхъ матерій, приготовленныхъ на мѣстныхъ фабрикахъ, начинаютъ течь съ самаго Данилова оранжевыми, красными и зелеными струями, отравляя такимъ образомъ понемножку прибрежныя населенія и вымаривая рыбу.

Часто бываетъ и такъ, что чайка, наклевавшаяся этой рыбы, печально крича и безсильно трепеща на свѣтломъ солнцѣ се- ребристо-сизыми крыльями, стремглавъ падаетъ изъ подъ обла- ковъ въ рѣку, или прудъ—и тонетъ тамъ, тщетно высвобождая красивую головку изъ рѣчныхъ захлестывающихъ наплывовъ...

Эта сторона Даниловскаго ландшафта очень напоминаетъ

Петербургъ, когда онъ идетъ по нарвскому шоссе, сопровождаемый Финскимъ заливомъ, съ его заводами, поросшими дремучими камышами, съ его закопченными и постоянно кипящими огненной суетнею фабриками, и наконецъ, съ его виллами, дачами и парками, нѣкогда великолѣпными, а теперь развалившимися и запустѣвшими.

Походить Данилово также и на Москву, потому что въ немъ есть много высокихъ церквей, синіе куполы которыхъ усѣяны множествомъ блестящихъ, бронзированныхъ звѣздъ. Стоять около тѣхъ церквей колокольни, предъ высотой которыхъ, по выраженію строившихъ ихъ даниловцевъ, «Иванъ Великій аршинчика на три, а то, пожалуй, и на всѣ на четыре не выстаиваетъ»;— висятъ на этихъ колокольняхъ гулкіе колокола, по звонкимъ голосамъ которыхъ, во время большихъ праздниковъ, на цѣлыя сорокъ верстъ, служатся заутрени и обѣдни въ окрестныхъ селахъ; но и эти признаки, свидѣтельствующіе о несомнѣнномъ средствѣ Данилова съ Москвою, тѣмъ не менѣе не даютъ ни одному человѣку, должнымъ образомъ понимающему Москву, никакой возможности согласиться съ даниловцами, которые обыкновенно хвастаются тѣмъ, что «наше Данилово—Москвы уголокъ»....

— Наши-то хозяева—эвона какихъ палатъ понастроили,— толкуютъ по кабакамъ въ праздничные дни отрепанные фабричные, работающіе у этихъ хозяевъ. Сколько богадѣлни этой одной понадѣлали,— фабриковъ опять!... Народу этого, сколько отъ нихъ кормится!... Бѣдности, т.-е. *несуветимой*, будемъ такъ говорить, — *пудамъ* хлѣбъ отпускають... Да што тутъ толковать, извѣстно: наше Данилово — Москвы уголокъ!... — Петруша! обращается за тѣмъ въ заключеніе рѣчи восхваляющій свою родимую сторонущку мальчишкѣ, стоящему за кабачной стойкой: — угости, другъ, еще насъ по косушкѣ, въ «раздѣлку» отдамъ!

Это дѣло идетъ въ кабакѣ; а тамъ въ громадныхъ зданіяхъ, наружныя стѣны которыхъ очернены дымомъ и сажей, — внутри этихъ зданій, въ дорогахъ, но аляповато меблированныхъ гостинныхъ, идетъ своя рѣчь.

Тамъ, блистая изъ-подъ фрака брилліантовыми жилетными пуговицами, шаркаетъ подагрически-мягкими сапогами новый ораторъ. Онъ говоритъ своимъ многочисленнымъ и плутовски-безмолвнымъ гостямъ:

— Въ Москвѣ, въ Питерѣ все мы, благодаря Бога, удѣлали за первый сортъ... Въ Москвѣ мнѣ князь говорить: хи, хи, хи! Я ему тоже, понимаете! пуцаю баскомъ: хе, хе, хе! Онъ мнѣ и толкуеть: «На устройство, моль, школь, енеральшѣ Любо-

мудрой двадцать пять тыщ....» Я ему отповѣдь такую даю:— не токма, моль, двадцать пять тыщ, а даже, хоша и пятьдесят.... Ну, и конечно, што мы съ нимъ изладились въ лутчемъ видѣ.... Сталь прощаться со мной, по плечу этакъ треплеть— и говорить: старайтесь, старайтесь для Данилова! Оно у васъ «Москвы уголокъ!» Такъ-то вотъ!... Петрушка! Дай-ка парочку редерцу съ прїѣзда-то поздороваться съ гостями.

Но все-таки, несмотря на ту настойчивость, съ которою самые разнокалиберные даниловцы стараются приравнять къ Москвѣ свое родное обиталище, — московскаго въ Даниловѣ очень мало.

По безчисленнымъ домишкамъ, убожество которыхъ превосходитъ всякое описаніе, сиротливо лѣпящимся около грандіозныхъ хоромъ, нужно бы отнѣсти Данилово къ категоріи сель. Но и это будетъ не вѣрно!

На улицахъ настоящихъ сель, съ крестьянскимъ населеніемъ, несмотря на ихъ поражающую бѣдность, все-таки примѣчаются жизненныя проявленія, хотя и не особенно живыя и разнообразныя. Тамъ мужики дружною гурьбой во всю лошадиную прыть промчатся иногда на ближній базаръ, — тамъ дѣти веселыми стаями бѣгаютъ по улицамъ, въ товариществѣ большихъ дворовыхъ собакъ, которыя своимъ лаемъ и прыжками еще болѣе подзадориваютъ ребячью бойкость, — тамъ старикъ, съ длинной, сѣдой бородою, смиренно проплетется черезъ улицу съ большою кошкой на спинѣ, наполненной соломой...

Ничего этого нѣтъ на даниловскихъ улицахъ! Все маломальски взрослое населеніе съ самаго ранняго утра уходитъ на фабрики и возвращается только позднимъ вечеромъ. Одна заря, какъ говоритъ пословица, выгонитъ изъ избы, а другая — загонитъ. Собаки даже не бѣгаютъ по улицамъ, потому что бѣдность, прилѣпленныхъ къ хоромамъ, хать такова, что тамъ самимъ часто бываетъ на зубы нечего положить, не то что завести собаку и накормить ее....

Большая часть даниловскихъ будней глубоко безмолвна! Заколдованнымъ, мертвенно-нѣмымъ царствомъ глядятъ эти гордые, бѣлые дома, — эти несчастныя лачуги, словно бы ищущія защиты у своихъ громадныхъ сосѣдей — и временемъ развѣ обожжетъ, такъ-сказать, мертвую улицу шикарная рысь купческаго рысака, котораго наѣзживаетъ лютый наѣздникъ, да прокатится карета фабрикантши, отправляющейся отъ скуки съ визитами.

Тишина и безлюдье полныя! И тѣмъ ужаснѣе эти тишина и безлюдье, что ихъ даже не освѣщаетъ и не живитъ свѣтлое небо. Черный дымъ фабрикъ заволокъ его своими непро-

глядными и, какъ большая рѣка въ сильный вѣтеръ, волнующимися струями—и въ этой тьмѣ слышится только смутное и грозное грохотанье фабричныхъ механизмовъ, да пронзительно-громкій посвистъ паровиковъ, раздающійся въ одно и тоже время сразу въ двадцати мѣстахъ...

— Ишь,—говорять даниловцы,—ровно лѣшій посвистываетъ!

И дѣйствительно: мертвенность села напоминаетъ суровое молчаніе дремучаго лѣса, а свистъ паровиковъ, ужасающій грохотъ машинъ и какой-то не то стонъ, не то скрежетъ зубовой, по временамъ вырывающійся изъ всего этого металлическаго говора — посвистъ лѣшаго и тѣ ужасы, которыми онъ пугаетъ людей въ своемъ лѣсномъ царствѣ...

Но бываетъ время, когда и въ Даниловѣ проявляется жизнь—и рабочій людъ, населяющій его, отдается шумному веселью и громко заявляетъ о томъ, что и въ Даниловѣ водятся живые люди. Это время—святки. Нѣтъ для даниловскихъ рабочихъ лучше этого времени! Не говоря про молодежь, которая, по выраженію стариковъ, на это праздничное время, «словно съ цѣпей срывается», а и сами старики—нѣтъ да и водочки выпьютъ и въ карты прикинутъ вмѣстѣ съ молодыми. Молодые, конечно, стараются, при помощи тридцати шести картъ, опредѣлить то время, когда именно къ нимъ придетъ счастье, насупенное имъ съ дѣтства отцомъ съ матерью, или бабкой съ дѣдомъ; старики же большею частью пытаются судьбу на счетъ того собственно: выйдеть ли имъ гробъ въ нынѣшнемъ году, или нѣтъ.

Святки въ Даниловѣ начинаются со второго дня. Самое Рождество проводится жителями въ необычайной тишинѣ и благочестіи. Собственно говоря, благочестіе соблюдается только до обѣда, а послѣ, смотришь, половина села и перепьется. Однако въ Даниловѣ этотъ день все тихо и смирно—и хоть положимъ, что по избамъ между мужьями и женами безъ сраженій дѣло не обходится; но тѣмъ не менѣе дальше воротъ эти сраженія не заходятъ: помнятъ люди изстари, что великъ на дворѣ праздникъ Христовъ стоитъ, и какое бы тутъ побоище ни случилось, всячески стараются его домашнимъ образомъ кончить и до улицы не доводить. А также воюющія стороны опасаются, чтобы не обезпokoить бранными криками мѣстныхъ богачей, которые, какъ разговѣются, на цѣлый день предаются отдыху и благочестивымъ размышленіямъ. Вотъ потому-то все и тихо въ селѣ

на первый день Рождества, потому и пѣсни нигдѣ вечеромъ не услышишь и пьянаго на улицѣ не увидишь.

Такимъ образомъ, праздникъ начинается только на другой день — и въ этотъ день тихаго, безлюднаго Данилова узнать нельзя. Только что отойдетъ поздняя обѣдня, и рабочій людъ успѣетъ отобѣдать, какъ ужъ всѣ и спѣшать оставить избы и торопятся скорѣе за ворота, на улицу. Вездѣ народъ, вездѣ жизнь! Сѣрые армяки, полушубки и зипуны перемѣшались съ суконными чуйками, лисьими шубами и разноцвѣтными женскими нарядами, — все запестрѣло и зарябило, отовсюду раздается говоръ, смѣхъ и громкія пѣсни.

— Карпычъ! будетъ тебѣ читать — пойдемъ гулять, говорилъ рѣзчикъ Гаврило Ивановъ своему пріятелю, рисовальщику, сидѣвшему за книгою. Нонче святки, народъ празднуетъ, а мы изъ избы не выходимъ. Благо, у меня жены дома нѣтъ. Пошли бы, вышили, ради праздничка Христова.... И то мы съ тобой, въ самъ-дѣлѣ, некрещенные развѣ...

— Ступай одинъ, я тебя не держу, отвѣчалъ рисовальщикъ, бородастый мужчина лѣтъ подь сорокъ, съ серьезною фізіономіей и подбитой скулою. Развѣ ты не видишь, что я науками занимаюсь?

— Друже, Петръ Карпычъ, ласково уговаривалъ рѣзчикъ, — брось ты эвту науку! Што она тебѣ далась! Опричь вреда, пользы себѣ никакой отъ нея не получишь.... Слыхаль, чай, народу умнаго сколько пропадаетъ отъ книжекъ. Читаютъ, читаютъ, да и зачитаются....

— Ну?

— Ну и спятъ съ ума, да и помрутъ! Помираютъ, больше, скоропостижно... По началу въ головѣ у нихъ кругомъ заходитъ, потомъ животъ выпреть — и шабашъ! Вотъ-те и вся не-долга!

— Молчи! Ты ничего не понимаешь.

— А вотъ увидишь, какъ я не понимаю! Помянешь, братъ, тогда рѣзчика Гарьку, да не пособишь. Жалко мнѣ, Карпычъ, души твоей! Погубилъ ты ее съ эстими книжками... И рѣзчикъ, какъ бы въ подтвержденіе истины высказанныхъ имъ словъ и въ знакъ сожалѣнія о погибшей душѣ ученаго друга, вздохнулъ и подошелъ къ деревянному шкапчику, стоявшему у печки, изъ котораго досталъ полуштофъ, потрясъ его передъ свѣтомъ и затѣмъ печально поставилъ посудину на прежнее мѣсто.

— Ни капли! проговорилъ онъ съ глубокой тоскою. Экая жизнь моя, Господи! жаловался рѣзчикъ на свою судьбу: — такой великій праздникъ Господень, — всѣ люди въ радости, а ты, ровно окаянный, сидишь цѣльный день безъ водки и безъ

гроша въ карманѣ. А всему причиною жена, — обобрала всю «раздѣлку» и хоть бы полтинникъ какой мужу оставила на гулянье. Да когдажъ её черти къ себѣ въ когти заберутъ?

Послѣдовало короткое молчаніе и за тѣмъ возгласъ:

— Карпычъ!

— Ну!

— Пойдемъ—выпьемъ!

— Подожди!

— Не могу! Ежели ты другъ мнѣ, кинь свою книжку и пойдемъ. Скоро, поди, ряженные выдутъ, представленья разныя будутъ показывать. Наука твоя при тебѣ останется, послѣ успѣешь—начитаешься, а святки то пройдутъ и не увидишь.

Рисовальщикъ поднялъ голову, устремилъ на пріятеля глубокомысленный взоръ и, закрывъ книгу, торжественно произнесъ:

— Собирайся!

— Ой-ли? Вотъ другъ-то, такъ другъ! возликовалъ рѣзчикъ. Ну, какъ тебя за это не похвалить? Ученый, братъ, ты человекъ, страсть какой ученый! Я готовъ...

— А что, Гаря, спросилъ ученый человекъ съ подбитой скулою у своего друга. Дома бы хорошо зарядиться сначала! Давича водка-то оставалась. Хватимъ-ка по стаканчику!

— Фю-ю-ю! хватился!.. Еще утромъ мы съ тобой всю её покончили. Нешъ ты забылъ?

— Какъ утромъ. Передъ обѣдомъ съ полштофа было...

— Откуда ты это взялъ? Тихо засмѣялся рѣзчикъ: — тебѣ ужъ, должно быть отъ наукъ-то отъ твоихъ представляться стало... Ни капли нѣтъ! Давича все порѣшили... Пойдемъ! Вотъ твой картузь...

— Послушай, Гаврило, сказалъ онъ, надѣвая ужаснаго вида пальто съ неменѣе ужаснымъ собачьимъ воротникомъ:—можешь ты мнѣ на одинъ простой вопросъ отвѣтить?

— Послѣ, Карпычъ, послѣ, торопливо отозвался Гаврило. Пойдемъ скорѣе! Не выпивши, ты самъ знаешь, я не могу съ тобой по наукѣ говорить...

— Да ты никогда со мной говорить не можешь: ты ничего, Гаврило, не знаешь,—ты, какъ есть, необразованный мужикъ.

— Будетъ тебѣ, будетъ! Пойдемъ поскорѣе...

Рисовальщикъ Петръ Карпычъ Груздевъ былъ вдовецъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, онъ лишился своей жены и послѣ того ни разу не заявлялъ желанія вторично обзавестись подругою жизни. На это у него есть свои причины: во-первыхъ, онъ не

могъ забыть, что жена его померла какихъ-нибудь восемнадцати лѣтъ, и что сошла она такъ рано въ сырую могилу единственно отъ мужниной безалаберности и запоевъ, которымъ безпре-станно подвергался въ молодости Петръ Карпычъ; а во-вторыхъ, какъ человѣкъ «ученый» и добросовѣстный, онъ дошелъ продолжительнымъ опытомъ до того непогрѣшимаго убѣжденія, что время и ученость нисколько не измѣнили его натуры, что онъ всегда можетъ подвергаться запоямъ и до самой смерти останется вѣренъ лѣтамъ своей юности. Груздевъ почти одиночекъ: родни у него всего двѣ племянницы по женѣ, которыя, оставшись круглыми и малолѣтними сиротами, были взяты старушкою родственницею и воспитывались у нея вмѣсто родныхъ дочерей. Дядя любитъ ихъ и не забываетъ: разъ, или два на году онъ заходитъ въ одинъ старенькій домикъ, въ которомъ живетъ съ двумя молоденькими и хорошенькими дѣвушками старушка Оекла Денисовна, и всякій разъ одѣляетъ этихъ хорошенькихъ дѣвушекъ калеными орѣхами и пряниками. Петръ Карпычъ постоянно при дѣлѣ и въ хлопотахъ, работаетъ, читаетъ «хорошія» книжки, и переѣзжаетъ чуть не каждый день съ квартиры на квартиру. Но чаще всего онъ любитъ отдаваться великимъ думамъ и глубокомысленнымъ соображеніямъ: то онъ думаетъ, куда ему пойти выпить, въ кабакъ или трактиръ, и рѣшаетъ всегда согласно съ количествомъ наличной суммы; то заглядываетъ въ таинственное будущее, именно, кто пуститъ его ночевать, такъ какъ, нерѣдко случается, у него совсѣмъ не бываетъ квартиры; то вдругъ поднимается мыслию до общечеловѣческой идеи о цѣли бытія; то быстро опять опускается долу и съ тоскливымъ чувствомъ спрашиваетъ у самаго себя, опохмѣлили ли его рѣзчикъ Гарька, лучший его другъ и пьяница, какихъ еще невидывалъ бѣлый свѣтъ, стаканомъ водки, или нѣтъ? Ко всему этому нужно еще прибавить, что на Петра Карпыча, по временамъ, какъ онъ самъ выражался, что-то «накатывало»: имъ вдругъ съ чего-то овладѣваетъ страшное уныніе, онъ вспоминаетъ о своей рано умершей женѣ, «о хорошихъ книжкахъ», прочтенныхъ имъ, о своемъ мастерствѣ, — какой, напри-мѣръ, былъ-бы онъ хорошій мастеръ, если бы не пилъ — и тогда начинаетъ пить такъ отчаянно, что наводитъ ужасъ даже на самого Гарьку. Но при всѣхъ особенностяхъ своего характера, разныхъ недугахъ и «накатываньяхъ», Груздевъ былъ хорошій «рисовало». Онъ превосходно зналъ цѣну своего художческаго таланта и съ гордостью говорилъ о себѣ: «я первый рисовальщикъ во всей нашей имперіи». Фабриканты много разъ зазывали Груздева на мѣста, давали ему триста рублей годового жа-

лованья, но тотъ всякій разъ отказывался и предпочиталъ жить себѣ на полной свободѣ «вольнымъ рисоваломъ», какъ его обыкновенно всѣ называли. Принадлежа къ мѣщанскому сословію, Петръ Карпычъ не упускалъ случая, гдѣ нужно, называть себя «гражданиномъ», а, въ качествѣ человѣка ученаго, любилъ обширными своими познаніями дѣлиться съ ближними, вслѣдствіе чего фізіономія ученаго человѣка подвергалась всякимъ непріятностямъ и грубымъ оскорбленіямъ со стороны непросвѣщенныхъ слушателей. Вотъ почему, при самомъ началѣ нашего знакомства съ первымъ рисовальщикомъ русской имперіи, мы видимъ его съ подбитой скулою: онъ получилъ этотъ огромный синякъ за два дня передъ Рождествомъ, когда бесѣдовалъ съ пріятелями и краснорѣчиво имъ доказывалъ, что земля виситъ на воздухѣ и что луна, которая ночью освѣщаетъ всю землю, есть темный шаръ, а что дошелъ онъ до этого по своимъ высокимъ наукамъ. Таковъ былъ рисовальщикъ Петръ Карпычъ Груздевъ. Что касается до его закадычнаго друга, Гарьки, то объ немъ ничего нельзя сказать, какъ только одно, что онъ былъ великій пьяница и, какъ огня, боялся своей худощавой жены.

Часы на Крестовоздвиженской колокольнѣ показывали ровно четыре, когда наши пріятели достигли торговой площади. По дорогѣ они успѣли завернуть въ кабачекъ и выпить немного, благодаря чему нашъ свободный гражданинъ Груздевъ находился въ самомъ пріятномъ расположеніи духа и доказывалъ своему другу, что умнѣе его, Петра Карпыча, ни одного человѣка нѣтъ во всемъ Даниловѣ.

— Што говорить, у тебя ума палата, соглашался рѣзчикъ, убоготоренный на этотъ разъ двумя стаканами водки. — Супротивъ тебя, по наукѣ, у насъ никого не сыщешь.

— А я тебѣ скажу, что въ Даниловѣ живетъ еще одинъ умный человѣкъ, сказалъ рисовальщикъ.

— Неужто и тебя умнѣе?

— Да пожалуй, и умнѣе. Только онъ не такъ ученъ, какъ я, мало науками занимался, а уменъ, даже очень уменъ. Знаешь ты Александра Никитича?

— Какого? Ужъ это не Сашутку-ли слесаря, парнишку Никиты Безбрюхова?

— Да, онъ самый. Умница человѣкъ, Гаря, нужды нѣтъ, что молодъ! Я познакомился съ нимъ у моихъ племянницъ, — знаешь, что у бабушки Оеклы живутъ? Настя была имянинница, собрался дѣвичникъ. Холостежь эта занялась съ дѣвушками въ игры, фанты, а мы съ Александромъ Никитичемъ пошли толковать по наукѣ. Я говорю: скажите, молодой человѣкъ, отчего

такъ заведено на свѣтѣ, что дураки ѣздятъ въ каретѣ, а умные люди пѣшкомъ ходятъ? А онъ мнѣ:—«отъ того, говоритъ, что у умныхъ людей лошадей и каретъ нѣтъ». Каковъ отвѣтъ! Другой бы посомнѣвался, а этотъ съ бацу рѣшилъ... Я ему еще вторительный экзаментъ сдѣлалъ: тутъ ужъ мы секретнымъ манеромъ, промежь себя, толковали больше на счетъ нашихъ фабричныхъ обстоятельствъ; ну, вотъ такъ умокъ Господь послалъ человѣку! Вотъ такъ умокъ!.. Какъ по писанному, такъ мнѣ всю матушку-правду и выложилъ.... Гдѣ вы учились? спрашиваю. «Въ приходской школѣ». Я просто диву дался: учился въ приходскомъ училищѣ, а какое понятіе имѣеть!.. Подружились мы съ нимъ здорово—и сейчасъ же съ именинъ съ этихъ отъ племянницъ въ трактиръ закатились, да всю ночь тамъ и протолковали. Вотъ этотъ человѣкъ знаетъ науку, даромъ что молодой! этотъ знаетъ!... Всю онъ ее, науку-то, на своей шкурѣ вынесъ... Да ужъ и чешетъ-же! Страсть какъ чешетъ!... Какъ мы потомъ съ нимъ разстались,—не помню: ужъ очень мы напились тогда!...

— Вишь какіе! недовольно проговорилъ Гарька. Што-бы и меня-то съ собой прихватить. Все мы одни наровимъ налопаться....

— Да это нечаянно случилось, ты не сердись! А впрочемъ, по душѣ тебѣ скажу: и вспомнить мнѣ про тебя ни разу не удалось, какъ онъ мнѣ про свою подлую жизнь расписывалъ, — заслушался я его другъ, словно бы пѣсни хорошей....

— Што же? сердился Гарька. И я бы послушалъ—и выпилъ бы кстати вмѣстѣ съ вами. Ты думаешь, моя-то жисть слаще, што-ли? Пойдемъ, хоть теперь поднеси на отместку, што въ трактирѣ безъ Гарьки гулялъ....

Въ селѣ ужъ звонили къ вечернѣ. Вызванный этимъ звономъ дьячекъ, во всю прыть бѣжалъ черезъ базарную площадь, гремя большими церковными ключами; его рвеніе къ отправленію возложенныхъ на него обязанностей было столь велико, что онъ даже позабылъ спрятать косички, которыя выбились наружу и развѣвались по вѣтру. Вслѣдъ за нимъ, не торопясь и съ большимъ достоинствомъ, шель отецъ дьяконъ, важно покачивая высокою шляпою и размахивая широкими рукавами. Немного спустя, вышелъ изъ своего большого каменнаго дома и самъ батюшка въ праздничной, на лисьемъ мѣху и крытой сукномъ, рясѣ и съ длиннымъ жезломъ въ правой рукѣ; онъ медленно и величественно прошелъ широкой площадью, кипѣвшей и волновавшейся народными массами, легкимъ наклоненіемъ головы отвѣчая на низкіе поклоны прихожанъ. Когда духовный

чинъ весь прошелъ и скрылся въ церкви, народъ всколыхнулся и мало по-малу началъ отливать съ площади къ трактирамъ и кабакамъ. Мѣстная полиція, въ лицѣ сотскихъ и десятскихъ, неусыпно блюла за порядкомъ и усердно старалась предотвратить всякое нарушеніе благочинія со стороны разнообразной публики, значительно подгулявшей.

— Легче! Тише! Скверныхъ словъ не говорить! командуютъ сотскіе и десятскіе. Вести себя честно, благородно!.. Не отъ насъ вѣдь все это.... Начальствомъ приказано... А ты что же это мотаешься-то, пьяная дура? Ты ходи прямо, — нонѣ время праздничное! Такъ поучаютъ власти, рассыпая попадавшимся подъ руку пьянчугамъ, вмѣстѣ съ нравоученіями, здоровые подзатыльники.

— Эй, ребята, стой! кричитъ полушубокъ, останавливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ передъ лавкой, гдѣ на дверяхъ вывѣшены были маски.

— Ну, чего тамъ стоять? За постой деньги берутъ, дурова голова!

— Глянька-те, братцы, какая важная харя висить! какъ есть чортъ!

— Врешь!

— Съ мѣста не сойти! Гляди: вонъ рога и борода, какъ у козла!... Э! да и мишка-медвѣдь тутъ! Подойдемте-ка, ребята, поближе! Еще чего не увидимъ-ли подиковиннѣе?

— А въ кабакъ-то?

— Послѣ! Не опоздаемъ еще! Ихъ по нонишнему времени до полночи заперать не станутъ.

— Дѣло! Вали!

Вся толпа двинулась къ лавкѣ.

— Петръ Карпычъ, замолчи! Способнѣе намъ съ тобой сейчасъ же въ трактиръ, нежели слоняться по базару и чрезъ твои ученныя слова отъ всѣхъ однѣ насмѣшки слышать. Мнѣ даже не въ переносъ, какъ тебя обижаютъ, — не могу я этого! слышится въ толпѣ знакомый голосъ рѣзчика Гарьки.

— Раздайся, народъ! жизнь не мила, почѣту мало! кричитъ сильно выпившій мастеровой, заломивъ на бокъ картузь и храбро шагая впередъ, не сторонясь ни отъ какой встрѣчи.

— Не буянить! Вести себя честно, бла-а-родно...

— Прочь!

— Какъ! начальству-то это? Бери его подъ арестъ!

Изъ-за угла торговыхъ рядовъ выглядываютъ дьячекъ и пономарь.

— Какъ для праздника народъ разгулялся!

— Да, не намъ чета!

— Позавидуешь свѣтскому человѣку...

Толпа рабочихъ продолжаетъ глядѣть на маски.

— Неужели, ребята, кто надѣнетъ на себя такую харю? спрашиваетъ молоденькой паренекъ.

— Ничего! Надѣть всякую можно, только въ Крещенье нужно три раза въ Ердани окунуться. А ежели ты не выкупаешься, круглый годъ будешь въ образѣ дьявола ходить.

— Это мнѣ извѣстно. Да я не про то. Я говорю, какъ ты её, жиды, экую-то страшную надѣнешь? Весь народъ перепугаешь!

— Перепугаешь! Ну, выходитъ, ты еще молоденецъ, — не видывалъ настоящія-то хари, заговорилъ рабочій въ полусубкѣ:—эвто что за харя, нешто вотъ рога велики, а то она ни чуточки не страшна. Вы вотъ послушайте, што я вамъ расскажу, какъ нашъ хозяинъ въ прошломъ году чортомъ нарядился—съ крыльями и копыта такія себѣ подъ ноги поддѣлалъ... Вотъ это штука была ахтительная! Съ недѣлю послѣ у всѣхъ фабричныхъ животы болѣли...

— Есть когда тебя слушать! перебилъ недовольный голосъ изъ толпы: этакъ мы до завтрева въ кабакъ-то не попадемъ. Смерть винца хочется стебануть, а онъ тутъ съ разговорами.

Мимо группы рабочихъ идутъ мастеровые и поютъ:

Питербургъ городъ привольной,
Все трактиры, кабаки...

Навстрѣчу имъ грудью несутся горничныя, разряженныя и раздушенныя.

— Эхъ, вы, крали писанья! въ одинъ голосъ закричали пѣвцы и загородили дѣвицамъ дорогу.

— Крали да не ваши, говоритъ одна изъ нихъ, самая ловкая и румяная. Ну, посторонитесь же, дайте пройти!

— А разѣ мы вамъ не подъ кадрель? подпершись ферткомъ спрашиваетъ одна удалая голова. Вы посмотрите на насъ хорошенько! Чѣмъ не красавцы? А что на счетъ того и прочаго, то мы еще почище господъ время въ удовольствіи можемъ провесть....

Бойкая горничная насмѣшливо посмотрѣла на красавцевъ и сказала:

— Судя по вашему одѣянію, я такъ полагаю, что вы, господа, очень благороднаго званія люди: ежели только вы не сапожники, то ужъ безпремѣнно портняжки. Совѣтовала-бы я вамъ допрежде умыться хорошенечко и въ порядке свой видъ при-

вести, а тамъ ужъ и въ образованную компанію къ дамамъ проситься. Чучела гороховыя!

Горничныя громко смѣются, толпа кругомъ грохочетъ.

— Погляди, погляди, Васильчъ, какъ часъ отъ часу все народъ расходится! не перестаетъ дѣлать замѣчанія изъ-за угла дьячекъ. И хотя-бы люди были, а то невѣжи и безъ всякаго образованія, а какъ гуляютъ!..

— Да, хорошо-бы и намъ выпить! заявилъ желаніе пономарь.

— Ахъ, еслибы выискался такой благодѣтель!..

Намъ трактиры надоѣли,
Много денегъ промотали,
Много денегъ промотали,
Остается рублей сто...

продолжаютъ допѣвать мастеровые, поворачивая отъ горничныхъ къ питейному дому.

— О чемъ, братіе, совѣтъ держите? говоритъ надтреснутымъ басомъ соборный регентъ изъ выключенныхъ семинаристовъ, приближаясь къ выжидающимъ благопріятнаго случая дьячку и пономарю.

— Откуда, Андреичъ? вмѣсто отвѣта спросилъ дьячекъ регента. Неужели отъ вечерни?

— А что бы я тамъ сталъ дѣлать? отозвался тѣмъ же надтреснутымъ басомъ Андреичъ. Весь хоръ безъ заднихъ ногъ лежитъ — отъ мала до велика. Я самъ, ужъ на что, кажется, не обиженъ здоровьемъ, а и то на силу голову поднйалъ... Пойду, молъ, не опохмѣлитъ-ли кто добрый человѣкъ.

— Вотъ и мы тоже, уныло проговорилъ дьячекъ. Да что-то плохо... Больше часу стоимъ на морозѣ, — перезябли страсть, а благодѣтеля нѣтъ какъ нѣтъ...

— Ну это дѣло не хвали! согласился регентъ. Пойдемте, ежели такъ, въ ряды, чѣмъ здѣсь торчатъ на морозѣ. Тамъ теперь около запертыхъ лавокъ пропасть купцовъ стоитъ. Шарарахну имъ многолѣтіе, — небось угостятъ!..

Чѣмъ ближе къ ночи, тѣмъ шире и дальше разливаются волны святочнаго веселья; раздаются трубы, бубень и крики: «ряженные, ряженные!» И всѣ, большіе и малые, безъ различія пола, кидаются въ ту сторону, откуда несется этотъ крикъ, и со всѣхъ сторонъ окружаютъ ряженныхъ, которые съ музыкой идутъ по улицѣ и выдѣлываютъ различныя штуки, ради потѣхи разгулявшихся зрителей.

— Горя! теперь мы въ трактиръ! говорилъ Груздевъ.

— Важно, Карпычъ! это будетъ въ самый разъ. Вишь,

сколько ряженных повалило! Чай представленья какія будутъ представлять?

— А скажи, отчего днемъ свѣтло, а ночью темно и мы ничего не видимъ?

— Перестань, не для меня, а ради Христова праздника! Вѣдь ты ужь меня замучилъ, спрашивавши по наукѣ. Тоска съ тобой!..

Стемнѣло. По селу вездѣ засвѣтились огни. Людской говоръ, звуки трубъ, бубна и гармоники сливаются вмѣстѣ, и все это реветъ и стономъ стоитъ надъ фабричнымъ селомъ. Въ ужасъ приходятъ отъ святочного гула богобоязливые люди и сокрушенно вздыхаютъ.

Сокрушается и Анисья Васильевна Нагорова, богатая купчиха, бесѣдуя съ пріятельницей за самоваромъ, — сокрушается и говоритъ:

— Такъ ли въ старину-то святые вечера люди проводили? Святые отцы сходились на бесѣду, говорили о томъ, какъ лучше Богу угодить, да въ царство божіе войти. А мы, окаянныя, что творимъ? Совсѣмъ забыли Бога, погибаетъ родъ человѣческій!

— О-охъ! отвѣчаетъ громкимъ вздохомъ собесѣдница Нагоровой. — Справедливое твое слово, Анисья Васильевна: — совсѣмъ, совсѣмъ нонѣ люди совратились!

Эта бесѣда происходитъ въ большой, довольно чистой комнатѣ, оклеенной темными обоями; уголъ и половина стѣны уставлены иконами, въ серебряныхъ и золоченныхъ ризахъ, украшенныхъ жемчугомъ и камнями. Дверь, ведущая въ сосѣдную, маленькую и служащую спальней хозяйки, комнату полуотворена и оттуда исходитъ блескъ отъ горящихъ, какъ огнемъ, золотыхъ вѣнцовъ угодниковъ божіихъ. Мебель въ комнатѣ состоитъ изъ нѣсколькихъ стульевъ, дивана и стола, которые, однако, ничего не говорятъ въ пользу удобства.

— А отъ чего? говоритъ Анисья Васильевна. — Всѣ отъ того, что молодой народъ стариковъ не почитаетъ, забыли всякое уваженіе... Ну, Богъ и попустилъ діаволу властвовать надъ ихъ сердцами... Это, вѣдь, въ наказанье всё, отъ Бога!

— Въ наказанье!

— Хоша бы теперь, къ примѣру, взять мово Павла: отъ чего онъ въ развратъ вдалься? Ты думаешь: молодъ, такъ отъ того? Нѣтъ! Всѣ отъ того, что мать не стала почитать, за неповиновеніе родительское отъ него Владыка Царь небесный и отступилъ.

— Точно, точно, мать! соглашалась собесѣдница. А, поди, какъ не дурень сынъ, всё же онъ матери близокъ, утроба материнская по немъ болитъ..? Ну-ка, блюдечко-то съ изюмомъ придвинь ко мнѣ!

— Нельзя не болѣть, Трофимовна:—я его на свѣтъ произвела, одна, почитай, выпоила, выкормила его, вырастила—и какая же за все отъ него благодарность матери? Намедни хотѣла его запереть, чтобы по ночамъ не шатался, а онъ какъ хватить въ дверь—аршина на три я отлетѣла! Только его и видѣли.

— А-а-ахъ! Поди, чай, больно зашиблась?

— Что ужъ про-то говорить? Нѣтъ, ты скажи: гдѣ почтеніе къ родителямъ, когда сынъ бѣжитъ отъ матери, ровно отъ врага лютаго? Послѣднія, знать, времена наступили, Трофимовна! Недаромъ сказано въ писаніи, что передъ вторымъ-то пришествіемъ поднимутся братъ на брата, сынъ на отца... Такъ оно и выходитъ.

— Такъ, такъ, Анисья Васильевна! По всему видно, что къ тому дѣло идетъ... Ты покрѣпче чай-то наливай, а то ужъ онъ жиденекъ дѣлается...

За дверью, которая шла въ корридоръ, послышался голосъ:

— Господи Исусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ!..

Обѣ собесѣдницы поднялись съ мѣста.

— Аминь! отвѣчала хозяйка.

Тихо отворилась дверь и тихо вошла въ комнату женщина, еще не старая и съ блѣднымъ лицомъ, вся въ черномъ; вошла и начала молиться на иконы.

— Миръ честной вашей бесѣдѣ! сказала она и поклонилась обѣимъ собесѣдницамъ.

— Богъ спасетъ, Аграфена Михайловна!

Хозяйка подошла къ новой гостьѣ и сказала:

— Благословишь ли мать?

— Нѣтъ, не дано еще мнѣ такой власти, отвѣчала мать-Аграфена, переступая къ столу:—двухъ степеней не дошла я до ангельскаго чина... Да къ тому, вѣдь, ты и не участница нашей вѣры, хоша сама и украшена добродѣтелями не земными.

Трофимовна, видя желаніе матери Аграфены сѣсть, подставила ей стулъ и низко поклонилась.

— Богъ спасетъ, Трофимовна! Насилу-то я до тебя добралась, начала мать-Аграфена, усаживаясь на стулъ и поворачиваясь своимъ блѣднымъ лицомъ къ хозяйкѣ.—Иду это я по улицамъ и никакъ себѣ въ разумъ не могу взять: улицу ли я передъ собой вижу, или это самъ адъ передъ моими очами разверзся? Навстрѣчу бѣгутъ мурины, козлища и всякая нечисть;

бѣгутъ, пляшутъ, бьютъ въ бубны и на трубахъ играютъ—ну вотъ какъ есть адъ кромѣшный!.. Ужасъ меня обуялъ, иду и молитву про себя творю. Богъ донесъ!.. Охъ, велики нонѣ въ мірѣ грѣхи воцарились! заключила рассказчица и тяжело вздохнула.

Въ ладъ ей завздыхали и собесѣдницы.

— О томъ и мы здѣсь до твоего прихода сѣтовали, заговорила Нагорова: — позабыли люди Бога, служатъ только сатанѣ да своему чреву несытому. Чѣмъ прикажешь просить тебя, чаю ты, знаю, не станешь пить, не велишь ли развѣ малинки обварить?

— Нечистой травы я не потребляю — проклята она, а малины съ вареньицомъ я у тебя чашечку выпью: этого правила намъ не воспрещаютъ...

— Сподобить же Господь человѣку такую крѣпость имѣть, — удивлялась Трофимовна. — А мы то што грѣшныя! только и живемъ ради мамона... Ахъ, слабы мы, куда какъ слабы!.. Налей-ка, Анисья Васильевна, чашечку! Што-й-то это я: пью, пью и все мнѣ больше пить хочется! Тпфу! Не сглазить бы себя! Сплюнула Трофимовна и перекрестилась.

Мать-Аграфена сидѣла сложа руки на животѣ и ни на кого не глядѣла, точно вся она была погружена въ благочестивыя свои думы.

Между тѣмъ въ переулкѣ, на который выходили два окна благочестиваго жилища Анисьи Васильевны Нагоровой, стояла огромная толпа ряженныхъ, въ самыхъ разнообразныхъ маскахъ и костюмахъ.

— Надо раздѣлиться, говорилъ одинъ ряженный: — я останусь здѣсь съ шестерыми, а ты, эсауль, забирай всю шайку и заходи съ задней улицы въ садъ.

— Слушаю, атаманъ, отвѣчалъ другой ряженный. — Окошко прикажешь выбивать, али не нужно?

— Вотъ выдумалъ, дуракъ!

— А то, если велишь, за-а-рразъ всѣ до одного вышибемъ!

— Не нужно! Да вы тише, какъ можно, дѣйствуйте, чтобы кто не услыхалъ и не сказалъ имъ!

— Маху не дадимъ, будь спокоенъ, атаманъ!

— Какъ подамъ сигналъ, — начинай!

— Останешься доволенъ, атаманъ! — Эй ребята, за мной!

Человѣкъ пятнадцать отдѣлились и пошли за «эсауломъ». Съ половины дороги онъ воротился.

— Атаманъ! какъ ты прикажешь: если бабы застанутъ насъ въ саду, сраженіе имъ, чай, нужно будетъ дать?

— Не нужно!

— А то вели. Какъ мы бы ихъ вздрючили — просто алилуя съ масломъ! Позволь молодцамъ потѣшиться?

Но «атаманъ» и этого не позволилъ.

— Что, Анисья Васильевна, говорила тѣмъ временемъ мать-Аграфена, — приходитъ сколько-нибудь въ чувство твой Павелъ Андреичъ?

— Совсѣмъ отъ рукъ отбился, не знаю, что ужъ и дѣлать съ нимъ, отвѣчала хозяйка. — Зашель вчерась и не поздравилъ мать съ праздникомъ, повертѣлся съ минутку и ушелъ, да такъ съ той поры и глазъ домой не показывалъ.

Сказавъ это, Нагорова подала гостѣ чашку съ малиной, а та, принявъ, повела рѣчь дальше.

— Плохо. Вѣрно онъ теперь гдѣ-нибудь въ сонмѣ нечестивыхъ богопротивнымъ забавамъ и нечестію всякому предается.... Плохо!

— Рѣшилась я, по твоему совѣту, отдать его на власть божию: пускай что хочетъ, то и дѣлаетъ. Вѣдь ужъ теперь все равно, ославился на все село! Да послѣ того, какъ онъ дверью показалъ матери стѣну, такъ и видѣть-то мнѣ стало противно его: глаза бы мои не глядѣли на него! Я ужъ перестала и ходить къ нему: исчезни его голова!

Мать-Аграфена молчала. Она, видимо, что-то соображала.

— Въ священныхъ книгахъ написано, начала она, погода, — что до двадцати лѣтъ грѣхи дѣтей падаютъ на главу родителей, а послѣ двадцати лѣтъ они сами отвѣчаютъ за всякій свой грѣхъ. — Онъ теперь въ такомъ возрастѣ, что тебѣ за его беззаконія не придется Богу отвѣчать. Но благо тебѣ, жено, будетъ, ежели ты спасешь отъ гибели душу человѣка!

— Знаю, знаю, что велика награда ждетъ меня отъ Господа! сказала Анисья Васильевна. — Но какъ, научи ты меня, ты великимъ талантомъ отъ Бога надѣлена и въ книгахъ божественныхъ сильна! Научи, что я должна дѣлать, чтобы на путь истинный сына направить!

Глаза госты засвѣтились, и она многозначительно проговорила:

— Перейди въ нашу вѣру, и Богъ умудритъ тебя! Сколько времени я тебѣ говорю.

— Да ужъ я рѣшила послѣ святокъ къ вамъ перейти. Сама ужъ, мать, вижу, что въ заблужденіи я нахожусь, — неправая наша вѣра...

— Аминь! произнесла гостыя и встала, чтобы запечатлѣть

поцѣлуй на уста обращающейся въ правую вѣру. Отнынѣ и до скончанія вѣка ты сестра моя! прибавила она.

— Я вотъ Трофимовну уговариваю къ вамъ перейти. Говорить: мужъ заругаетъ, а то-бы перешла.

— Кто хочетъ уготовать себѣ царствіе небесное, тотъ долженъ оставить мужа и претерпѣть до конца, сказала Аграфена Михайловна.

— Ахъ, матушка, Аграфена Михайловна! говорила Трофимовна:—крѣпости во мнѣ душевной мало, рада-бы я всей душой, да слаба ужъ больно я, грѣшная!.. А вѣдь онъ у меня какой? «Ты, скажетъ, новой вѣры захотѣла!» да и начнетъ сдуру чѣмъ ни попало увѣчить...

— Нужно претерпѣть. Святые отцы и не то переносили, да не ослабѣвали плотію и духомъ: раскаленнымъ желѣзомъ тѣлеса ихъ жгли, къ дикимъ звѣрямъ на растерзаніе кидали и главы ихъ усѣкновенію предавали — все претерпѣли и мученическіе вѣнцы удостоились отъ Бога получить!

— Господи! экія рѣчи она говоритъ, умилялась Трофимовна: — слаще онѣ, кажется, всякаго меда и сахару... Анисья Васильевна, я еще чашечку выпью... Я вотъ подумаю, подумаю, да и въ самомъ дѣлѣ къ вамъ поступлю. Не трожь мужъ въ міру остается, — чортъ съ нимъ!..

— Истинно, заговорила мать-Аграфена. Злое злѣ и погибнетъ. Ты не лѣнись только ходить сюда, слушай наши бесѣды и предъ тобой откроется свѣтъ правды... Никакого мужа не надобно тебѣ будетъ. Отъ роду и племени отречешься... Что-же, сестра, обратилась къ хозяйкѣ наставница, — не пора-ли намъ бесѣду начать?

— Какъ тебѣ будетъ угодно, съ смиреніемъ отвѣчала Нагорова.

— Запри дверь. По примѣру святыхъ отцовъ, надо «началь» положить.

Нагорова позвала кухарку и велѣла убрать самоваръ.

— Приступимъ, сказала мать-Аграфена, когда самоваръ унесли и двери заперли.

Зажгли лампадки, свѣчи и приступили къ «началу».

— «Боже милостивый, буде мнѣ грѣшному!» начала мать-Аграфена...

Но не дошли онѣ до «безъ числа согрѣшихъ», какъ въ окнахъ съ переулка показались ужасныя рожи съ красными высунутыми языками и стали кривляться.

Первая увидѣла это Трофимовна, которая, удовлетворивъ аппетиту, не совсѣмъ-то усердно слушала «началь» и озиралась по сторонамъ.

— Матушки, какія страсти! вскричала она. Не ужь-то это ряженые?

Мать-Аграфена и Нагорова обернулись и взглянули на окна.

— Господи Иисусе! закрестилась Нагорова: — что намъ за привидѣніе!

— Не бойтесь, сказала мать Аграфена. Написано: «и будутъ васъ прельщать многая». Вотъ оно и началось! И сами угодники божіи, когда собирались на бесѣду, не разъ и не два видѣли передъ собою дѣвъ обнаженныхъ, кои мнили собою прельстить святыхъ старцевъ...

— Матушки, да что это они кажутъ!.. воскликнула Трофимовна, изъ любопытства снова посмотрѣвъ на окна, въ которыя, кромѣ разныхъ мордъ съ ужасающими усами, виднѣлось что-то такое, чему одно названіе—срамъ!..

— Владычица, экую срамоту увидѣли! Трофимовна, занавѣсь скорѣе окошки!

— Умру, а не пойду! Вонъ ихъ сколько да что это у нихъ въ рукахъ!

— Не пугайтесь! Не страшитесь! говорила мать-Аграфена, мечась изъ угла въ уголь въ страшномъ переполохѣ. Все это одно прельщеніе!.. Не смущайтесь: они, по молитвѣ, исчезнутъ скоро... «Да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази его»... зашептала она.

Но *они* не исчезали, а напротивъ, все больше и больше уставлялось въ окна противныхъ и невиданныхъ рожъ. Свистъ, гамъ невообразимый, плясъ подъ звонъ инструментовъ, раздались въ саду, такъ что снѣжная пыль столбомъ поднялась...

— Заполонили! Заполонили! Батюшки, защитите! Родимые, помогите! Муриновъ ефіопскихъ на яву видимъ! закричали благочестивыя женщины и кинулись бѣжать, не помня себя отъ страха; а мурины, сообразивши, что крики бабъ могутъ собрать на выручку къ нимъ народъ, тотчасъ все отлетѣли отъ оконъ и мгновенно пропали.

Чудесно! слышалось въ переулкѣ:—теперь будутъ помнить. Скорѣе, черти! и одинъ за другимъ прыгали съ забора на улицу эфіопскіе мурины.

— Это онѣ бесѣдовать собрались, сказалъ тотъ, котораго называли атаманомъ. Ахъ, братцы, что у меня только за вѣдьма—мать!

— Да таки ничего, вѣдьма здоровая, проговорилъ эсауль. Жаль, атаманъ, что ты не велѣлъ на нихъ дьяволовъ напустить съ огнемъ; вотъ-бы задали имъ звону! Куда прикажешь теперича шайкѣ путь держать?

— Въ трактиръ! Слушай, эсауль: въ трактирѣ мы сдѣлаемъ одно представленіе, выпьемъ и разойдемся: у меня одно дѣло есть.

— Чай, все на счетъ какой-нибудь мамочки, Павелъ Андреичъ? лукаво подмигнуль эсауль.

— Да, братъ, есть у меня такая зазноба, да какъ ни хлопочу, не дается въ руки. Не знаю, будетъ-ли толкъ сегодня.

— Есть о чемъ думать: поставилъ два ведра на всю артель — и черезъ часъ мы тебѣ куда угодно ее предоставимъ!

— Нельзя! Я одинъ буду дѣйствовать, — потому не таковская! Ну-ка, эсауль, вели пѣсенку!

Раздалась по улицѣ могучая пѣсня, которой выучилъ своихъ товарищей Павелъ Андреичъ, сынъ Анисьи Васильевны Нагоровой:

Какъ во городѣ было, да во Астрахани:
Тутъ-то прочутился проявился незнамый человекъ,
Незнамый, незнакомый Стенька, Разинъ молодець!

Ночное небо блестѣло тысячами яркихъ звѣздъ. Въ сторонѣ надъ высокими зданіями фабрикъ, разстилалась бѣлая полоса свѣта: это — мѣсяцъ, усиливающійся подняться надъ гигантскими зданіями, созданными рукою капиталистовъ, и выдти на небесную ширь.

Толпа ряженныхъ, подъ предводительствомъ Нагорова, съ пѣсней приближалась къ трактиру.

Многочисленные окна большого двухъэтажнаго дома, стоящаго на горѣ и извѣстнаго въ Даниловѣ подъ именемъ «Коммерческаго трактира», горѣли свѣтлыми, заманчивыми огнями; внутри, сквозь оконныя рамы, виднѣлись мелькавшія фигуры и колыхались тѣни, слышались взрывы мужского хохота, густое рычаніе контръбаса и грохотъ барабана.

Ого! какъ реветъ! говорилъ народъ, валившій изъ разныхъ мѣстъ къ трактиру, харчевнямъ и кабакамъ, находившимся по сосѣдству съ первымъ. Должно ряженныхъ много.

Съ горы и на гору безпрестанно спускаются и поднимаются люди; наружная дверь трактира, отъ частыхъ выходовъ и входовъ, стоитъ отворенною, и изъ нея, вмѣстѣ съ облаками пропитаннаго кухоннымъ запахомъ воздуха, вырывается на волю громкій и веселый говоръ.

Несмотря на раннюю пору, — шель седьмой часъ, — нижній и верхній этажи были биткомъ набиты посѣтителями, гостями и ряженными. Армячная и полушубная публика копошилась внизу, точно пчелы въ ульѣ, а болѣе чистая занимала второй этажъ. Ряженные показывались всюду, хотя трактирная прислуга дѣлала

и между ними разграниченія, допуская въ «дворянское» залo только тѣхъ, которые отличались лучшимъ костюмомъ, а плохихъ гнала вонъ; но это нисколько не мѣшало ряженнымъ снова появляться тамъ, откуда ихъ за минуту передъ тѣмъ только что выгнали.

Въ большомъ залѣ, называющемся дворянскимъ, сидѣло множество гостей; въ одномъ углу, за особымъ столомъ, помѣщались пять человѣкъ музыкантовъ; по залу отъ одного стола къ другому ходили ряженные, а въ дверяхъ и у стѣны толпились мушкетеры въ тулупахъ, женщины, съ закрытыми лицами, и ребятишки. Сновавшіе взадъ и впередъ по лавкамъ сердито и безъ всякой церемоніи толкали во что попало стоявшую публику, вѣжливо предлагая ей при этомъ выдти и не стѣснять даромъ проходъ; но публика, казалось, была лишена всякой чувствительности, и, помня завѣщанную дѣдами пословицу: за всякимъ толчкомъ не угоняешься, ни малѣйшаго вниманія не обращала на толчки и пинки—и развѣ ужъ тотъ, кто получалъ очень сильный ударъ, тотъ, проворчавши себѣ подъ носъ неслышную никому брань, дѣйствительно, немного пятился и потомъ снова, не жалѣя боковъ и локтей, всѣми неправдами занималъ свое мѣсто.

Петръ Карпычъ Груздевъ съ другомъ своимъ Гарькою и еще ткачемъ, человѣкомъ необыкновенно-мрачной наружности, сидятъ тоже за однимъ столомъ и пьютъ водку. Къ нимъ подбѣгаютъ два овчинныхъ тулупа: одинъ съ гитарою изъ доски, а другой съ отрепанной метлою.

— Господа! не будетъ-ли отъ васъ милости, не поподчуете-ли чѣмъ бѣдныхъ музыкантовъ? говоритъ гитара.

— Какихъ музыкантовъ? спросилъ рѣщикъ, сидя въ своемъ зиму и лѣто несмѣняемомъ легкомъ пальто и съ запущенными въ карманъ руками, поднимая голову на ряженныхъ. Вы на какомъ струментѣ играете.

— На какомъ угодно, мы на всякомъ мастера....

— Вотъ ужъ ты и врешь! Я по своему мастерству, примѣрно рѣщикъ. Да разѣ я могу все вырѣзывать? Ягодки на манерѣ я рѣжу—и супротивъ меня, такъ я тебѣ буду говорить, наврядъ ли кто ягодку сдѣлаетъ; а листочковъ я не могу, на это другіе мастера... Вѣрно я говорю, Петръ Карпычъ?

— Такъ, Гаврило, такъ! сказала Груздевъ:—ты кромѣ ягодки ничего хорошо не умѣешь дѣлать... Ну что же, музыканты, покажите намъ свое искусство!

— Нельзя, Карпычъ! Надо прежде спросить, на чемъ они больше способны...

— На всемъ мы играли, когда при нашихъ господахъ, по-

мѣщикахъ, состояли, говорилъ бойко гитаристъ. А теперича, получивши эту слободу, мы способнѣе больше вотъ на этомъ, хрустальномъ струментѣ играть, шутилъ ряженный, слегка постукивая гитарою объ графинъ, стоявшій передъ пріятелями.

— Умственно! Молодецъ! воскликнулъ Петръ Карпычъ. — Горя, поднеси имъ по рюмкѣ!

— Какже, поднесу я имъ! сказалъ Горя и, выхвативъ изъ кармановъ обѣ руки, обхватилъ ими графинъ, крѣпко прижавъ его къ себѣ, точно дѣтище родное, которое у него хотѣли отнять.

— Гаврило! Какъ ты смѣешь...

— Не могу!...

— Вы опять въ дворянскую? ухвативъ одного за воротникъ, крикнулъ половой на музыкантовъ въ овчинныхъ тулупахъ. — Ахъ, вы, сволочь! Вонъ!

— Пріятель, не тронь! началъ просить съ метлою. — Что мы тебѣ сдѣлали?... Тоже, братъ, и тебѣ, небойсь, повеселиться-то хочется...

— Эй, человекъ!

Половой бросилъ воротникъ музыканта, на скорую руку пнулъ его ногою и кинулся на зовъ.

— Что прикажете, сударь? спрашивалъ половой, останавливаясь и почтительно сгибаясь передъ широколицымъ господиномъ съ изряднымъ количествомъ щетины на бородѣ.

— Послушай, Румянцевъ, что у васъ нынче за порядки пошли? заговорилъ широколицый господинъ: — стучу, зову — никто нейдетъ, зову вторично, кричу даже, — и хоть-бы одна шельма явилась! Давно у васъ такое заведеніе?

Господинъ говорилъ не торопясь, выразительно и съ большимъ вѣсомъ ударяя каждое слово, такъ что трактирный слуга разъ пять сгибался и выпрямлялся, а компаньоны господина съ любопытствомъ посматривали на полового, при чемъ глаза ихъ говорили: ну-ка юла, какой ты ему теперь отвѣтъ скажешь?

— Извините-съ, Капитонъ Платонычъ, отвѣчалъ половой, еще разъ согнувшись и снова выпрямившись. — Сами изволите видѣть, сударь, какое сегодня время: тотъ кричитъ, другой оретъ, а тутъ на грѣхъ эта сволочь, ряженные набились. Просто сообразить невозможно-съ!

— Хорошо, на первый разъ я тебя извиняю, но чтобы впередъ ничего подобнаго не было, сказалъ Капитонъ Платонычъ. Слышишь? Запомни это получше. Бутылку хересу и порцію селянки!.. Надѣюсь, я васъ не стѣсняю? прибавилъ онъ съ улыбкою, относясь къ своимъ компаньонамъ.

— Ничего, Капитонъ Платонычъ! сдѣлайте милость, требуйте...

— Почтенные господа! не угодно-ли вамъ послушать «кулаверію» про Езопа.

Передъ Капитономъ Платонычемъ и его компаніею стоитъ ряженный: на немъ сюртукъ съ почернѣвшими офицерскими эполетами, голову украшаетъ трехъугольная шляпа изъ сахарной бумаги, а на ногахъ сѣрые валеные сапоги.

— Что-о-о? величественно спрашиваетъ Капитонъ Платонычъ.

— Я ничего-съ... Говорю только, кулаверію про Езопа вашей милости не угодно-ли?...

— Дуракъ! какую ты кулаверію выдумалъ: такого и слова нѣтъ! Пошелъ! сказалъ Капитонъ Платоновичъ. — Волостной писарь, скажу вамъ по-пріятельски, говорилъ онъ, видимо продолжая начатый прежде разговоръ — лицо для всѣхъ нужное и полезное. Рассказываю это не къ тому, чтобы похвастаться—я терпѣть не могу хвастовства!—а такъ къ слову пришлось. Всѣ, старшина ли, судьи ли волостные, никто безъ меня шагу ступить не смѣютъ. Они думаютъ такъ сдѣлать, а я говорю: нѣтъ! Раскрою имъ положеніе 19-го фѣвраля, укажу на статью. Видѣли это? «Нѣтъ.» Поглядите. Глядятъ, долго глядятъ. Что? «Ничего.» Поняли смыслъ закона? «Нѣтъ.» А букву закона уразумѣли? Говорятъ: «отстань, намъ и такъ тошно». Такъ на какомъ же вы, господа судьи, основаніи? спрашиваю. «На законѣ.» А это, говорю, законъ, или нѣтъ?—и опять ихъ буквой, буквой! Вздохнуть. Самовольничать, господа, не позволено, надо все по закону. «Дѣлать нечего, говорятъ, — сказывай, что нужно, тебя не переговоришь»... Такъ и сдѣлаютъ, какъ я хочу... Да что—не будь волостного писаря, вся волость ни за что пропала бы! махнувъ рукою, заключилъ Капитонъ Платонычъ.

— Что говорить. Гдѣ имъ, они люди темные, соглашались съ рассказчикомъ его компаньоны.

Мимо проходитъ госпожа и, повизгивая нѣкоторую разгульную ариетку, съ большей, или меньшей граціей, машетъ подоломъ.

— Опять дѣлопроизводство, продолжаетъ волостной писарь, бросая косые взгляды на сосѣдній столъ, гдѣ сидѣлъ какой-то, весь раскраснѣвшійся купецъ, обставленный кругомъ бутылками. Какая тутъ механика?... Понять ее, прямо скажу, ежели кто необразованъ, очень трудно...

Но на этомъ мѣстѣ суждено было дальнѣйшему теченію разсказа волостного писаря пріостановиться, потому что явился

служитель съ бутылкою, а рядомъ заговорилъ купецъ и заговорилъ громко и негодующимъ тономъ:

— Какъ она, такая-сякая,— ну счастлива она, что ругаться здѣсь не дозволено! — Смѣетъ при трапезѣ господней (купецъ показываетъ на рюмку)—подоломъ махать? Это она въ надсмѣшку мнѣ... Гдѣ буфетчикъ? Ѳедоръ Петровичъ! Ѳедоръ...

— Не кричи, не стыди себя, началъ унимать негодующаго купца другой. Что она развѣ мѣшаетъ тебѣ? Она ходитъ и не глядитъ на тебя...

— Ничего не значить! Она подоломъ машетъ, а мы за трапезою... Надсмѣшка! Ѳедоръ Петровичъ! Буфетчикъ! Тебя, што-ли я зову, али дьявола изъ-подъ мельницы?...

Подбѣгаетъ половой.

— Помилуйте! Нешто въ дворянской такъ возможно безобразничать? Неприлично-съ, прекратите! Вы купецъ...

— Приведи сюда хозяина, а тебя я знать не хочу—дурака! кричить и бьетъ кулакомъ по столу купецъ. Да какъ это она, при трапезѣ, напимѣръ...

— Ругаться у насъ не велѣно...

— А я нарошно буду! Знаю, что не велѣно, а вотъ возьму, да выругаюсь... Сидимъ за трапезою, все у насъ идетъ по-благородному, тихо, а она—вотъ тебѣ разъ!—подоломъ въ глаза!.. Да какъ она чортова дочь осмѣлилась при купцѣ?.. А? Ругаться говоришь, не смѣю? Ну а ежели изругаюсь, што ты со мной подѣлаешь?

— Да что съ вами сдѣлаешь. Полоумнымъ васъ мать родила, полоумнымъ вы навсегда и останетесь, отвѣчалъ, вышедшій изъ всякаго терпѣнія, половой. Только не здѣсь бы, не въ дворянской залѣ вамъ слѣдовало быть, а въ коровьемъ хлѣвѣ сидѣть, прибавилъ онъ ужъ на ходу:—тамъ по васъ мѣсто!...

— Ка-а-къ? Что ты сказалъ?! Это при трапезѣ-то!!...

Здоровый дѣтина въ красной рубашкѣ и плисовыхъ шароварахъ, завидя вывороченный тулупъ, кричитъ съ другого конца:

— Эй, ты не лѣкаръ ли?

— Лѣкаръ.

— Такъ я и зналъ, обрадовалась красная рубашка. Подь-ка, погляди, у меня ровно бы вотъ въ эфтомъ мѣстѣ нагрызло!...

Взрывъ хохота.

— Ай-да красная рубаха! восхищается Гаврило, весело покачиваясь на стулѣ. Люблю! Карпычъ, надо выпить!

Карпычъ не успѣлъ изъявить своего согласія, какъ въ углу поднялся ревъ контръ-баса и за нимъ пронзительно взвизгнули скрипки, но тотчасъ же сконфузились передъ другимъ товари-

щемъ, барабаномъ, начавшимъ грохотать съ такою оглушительною силою, что и самъ контръ-басъ неожиданно смутился и обнаружилъ недостойную своего мужества слабость. Ряженные закурились, подняли плясъ и страшный топотъ, отъ котораго полъ подъ ногами заходилъ и столы задрожали.

— Вотъ она, голь-то честная какъ расходилась! говорилъ Петръ Карпычъ, поводя вокругъ глазами. Подумаешь, какой народъ счастливый! Откуда только у нихъ эта веселость берется?.. Чудеса! Чудеса и тысячу разъ чудеса!

Третій собесѣдникъ, ткачъ, молча сидѣвшій за столомъ и только угрюмо пившій водку, неожиданно при этомъ проговорилъ:

— Эка, опять его забирать стало!

— Горя, можешь ли ты на одинъ вопросъ мнѣ отвѣтить?

— Могу, Карпычъ,—теперича я все могу. Ты только знай спрашивай!...

— Скажи... Да нѣтъ, ты не отвѣтишь!

— Я-то? Вона што сказалъ! Да я, може, не меньше твоего знаю, даромъ што ты ученый...

— Гарька! мало намъ съ тобой пьянства, ты еще въ ученые полѣзь! съ какимъ-то отчаяніемъ проговорилъ ткачъ. Погляди-ка: сходятъ ли когда синяки съ Груздева? Смотри, братъ, какъ бы и у тебя наука-то эта по всей рождѣ не высыпала!

— А ты какъ обо мнѣ думаешь? задалъ Гаврило вопросъ недовольному его поведеніемъ ткачу.—Хочешь я тебѣ расскажу исторію про Каина и Авеля...

— Пей, дубина вязовая! Не наше дѣло объ этомъ. Пусть попы говорятъ, они къ энтакому изповонѣ вѣку приставлены.

Пока шло это дружеское препирательство, барабанъ и контръ-басъ угомонились. Въ дверяхъ показался ряженный въ длинномъ фракѣ и узенькихъ панталонахъ желтаго цвѣта, сѣрая, измятая до послѣдней степени, шляпенка сидѣла у него на самомъ затылкѣ и давала возможность хорошо видѣть громадную шишку на безволосомъ лбу, которою была украшена маска, скрывавшая лицо незнакомца. За плечами у ряженаго находился большой ящикъ. При появленіи его, въ публикѣ раздались голоса:

— Нѣмецъ пришелъ, нѣмецъ!

«Нѣмецъ», достигнувъ середины дворянской залы, остановился и сдѣлалъ видъ, какъ будто онъ духъ переводить, изнемогая подъ тяжестью своей ноши. Затѣмъ онъ снялъ шляпу, ударилъ себя по шишкѣ, и началъ раскланиваться съ публикою.

— Ну, а ты показывай, что у тебя въ ящикѣ, а поклонны намъ твои не очень нужны! заговорили въ публикѣ.

— Сей минутъ, каспадинъ, сей минутъ, отвѣчалъ нѣмецъ, не торопясь снимая ящикъ и опуская его на стулъ. Мой вамъ покажетъ... Хорошій штукъ покажетъ...

Многіе было обступили ряженаго, но половые однихъ вытолкали, а другихъ упростили сѣсть на мѣсто.

— Нѣмчур! кажи все, что у тебя есть! приказывалъ купецъ, незадолго передъ тѣмъ возмущавшійся дамой, неприличное поведеніе которой помѣшало его праздничной трапезѣ.

Нѣмецъ отперъ ящикъ.

— Каспадинъ! Мой покажетъ вамъ хорошій штукъ. Эта штукъ—новый воля...

Рѣщикъ Гаврило весело подмигнулъ товарищамъ и сказалъ:

— Ишь, каковъ нѣмецъ-то? Новую волю хочетъ показывать! Ай да колбаса свиная!

— Любопытно, очень любопытно по началу, говорилъ Петръ Карпычъ, не спуская глазъ съ нѣмца.

Ряженный медленно сталъ приподнимать крышку, открылъ и, вынувъ изъ панталонъ табакерку, принялся нюхать табакъ. Понюхавъ и чихнувъ нѣсколько разъ, онъ снова нагнулся къ ящику и вынулъ изъ него другой; точно также не торопясь открылъ онъ и этотъ ящикъ, послѣ чего также вынулъ табакерку и сталъ нюхать табакъ.

— Ого! какъ заряжаетъ, проговорилъ Гаврило.—Пріятель, а ты полно носъ-отъ накалачивать! Кажи проворнѣй волю!

— Сей минутъ, каспадинъ, скоро будетъ...

Нѣмецъ вынулъ одинъ за другимъ еще два ящика и при этомъ каждый разъ останавливался и нюхалъ табакъ.

— Да его до завтра не дождешься! Ишь чортовъ сынъ, все только носъ заряжаетъ! Панкратъ, давай выпьемъ!

— Выпьемъ, согласился мрачный теачъ. Эге! Глядите-ка братцы!

— Што, ай воля лѣзетъ?

— Молчи, Гаврило! внушительно сказалъ Петръ Карпычъ, привставъ на мѣстѣ и выпрямившись во весь ростъ. Любопытно, очень любопытно!

Нѣмецъ съ великимъ трудомъ что-то вытаскивалъ изъ послѣдняго ящика и громко бряхтѣлъ: очевидно, что то, что онъ хотѣлъ вынуть, было не по его силамъ.

— Нѣмчурка! выходитъ изъ терпѣнія купецъ:—ты смѣяться что ли надо мной выдумалъ? Вынимай, а не то всѣ твои ящики разобью!...

Какъ ни трудно было нѣмцу, но онъ успѣлъ-таки добиться своего: вытащилъ изъ ящика какой-то бумажный свертокъ.

— Такъ это что ли воля-то?

— Нейнъ!... Но мой скоро вамъ покажетъ.

Тутъ опять повторилось тоже самое, что и съ ящикомъ: развязавъ узелъ бичевки, которою былъ перевязанъ свертокъ, нѣмецъ медленно развернулъ бумагу и вынулъ другой свертокъ, потомъ третій и такъ далѣе. Терпѣніе публики истощилось, всѣ начали требовать, чтобы нѣмецъ не морочилъ, а показывалъ безъ всякой задержки новую волю.

— Братцы! взывалъ Гаврило—нѣмецъ надуть насъ хочетъ. Отъ него только и жди фокусовъ; онъ вѣдь на нихъ собаку съѣлъ.... Надо его связать, а то онъ лыжи задастъ!

— Нехристь! Долго ли мнѣ мучиться? ревѣлъ купецъ.

— Одна минутъ, касподинъ! А станете шумѣть, мой вамъ ничего не покажетъ.

Дѣлать нечего! Публикѣ волей-неволей пришлось покориться и ждать. Сжалился наконецъ нѣмецъ надъ публикою: развернувъ нѣсколько бумагъ, вынулъ онъ громадную, рыжевато-красную и неудобную для ѣды колбасу и, высоко—высоко поднявъ ее надъ головою, сказалъ.

— Вотъ вамъ, касподинъ, новый воля!

Хохотъ, крики одобренія и руготня раздались въ одно и тоже время въ награду шутнику.

— Ахъ, чортовъ сынъ! Какъ надулъ-то знатно!

— Браво! фора!

— Вотъ такъ волю нѣмецъ показалъ!

— Умственно! Браво! всѣхъ громче раздавался голосъ Петра Карпыча, хлопавшаго въ ладоши. Какъ онъ тя-я-нулъ, тянулъ и вдругъ — колбаса! Ха-ха! Умственно, даже очень умственно! Мусью, вашу руку, говорилъ рисовальщикъ, подходя къ ряженому. Я вамъ очень, о-очень благодаренъ! По-стаканчику! кивнулъ онъ въ сторону своихъ пріятелей.

— Мой будетъ съ вами пить, сказалъ нѣмецъ, собирая бумаги и укладывая все въ ящикъ.

Купецъ изъ себя выходилъ.

— Нѣтъ, я не допущу, это надсмѣшка! Давича та, тварь, подоломъ махала, а теперь этотъ нѣмчурка колбасу свою... Это при трапезѣ-то господней?... Надо позвать буфетчика. Ѳедоръ Петровичъ! Ѳедоръ Петр....

— Купецъ, говорилъ ряженный, — а я вамъ кулаверію желею рассказать. Какая занятная исторія! Угостите, ваше степенство, наливочкой!

— Что же это! Боже! Это.... это разбой, меня погубить хотятъ.... Кулаверія! Не перенесу....

— Что здѣсь за крикъ? спрашиваетъ новый ряженный, подбѣгая къ столу. Я мировой судья. Разсужу!

Купецъ дѣйствительно не перенесъ: собравши силы и съ трудомъ поднявшись на ноги, онъ далъ мировому судѣ затрепину, и мировой судья полетѣлъ, а ряженный «съ кулаверією» счелъ за благо по добру по здорову самъ удалиться.

Вновь начавшаяся суетня половыхъ, — выталкиваніе тулуповъ и дурно одѣтыхъ ряженныхъ съ прибавленіемъ: «вонъ, сволочь!» давали публикѣ знать, что для нея готовится нѣчто болѣе важное и достойное вниманія. Дѣйствительно, черезъ минуту, или двѣ, въ дворянскую залу ввалила большая толпа новыхъ ряженныхъ, одѣтыхъ большею частью въ одинаковые костюмы. На всѣхъ были сюртуки, или короткіе казакины, по краямъ обшитые позументомъ, съ красными кушаками, за которыми виднѣлись пистолеты, ножи и другое оружіе. Одни были въ маскахъ, другіе съ открытыми лицами, но за то съ подвѣзанными бородами и ужасающаго вида усищами. Вообще говоря, видъ этихъ ряженныхъ въ трактирной публикѣ возбудилъ не одно любопытство, но и нѣкоторое почтеніе, близкое къ боязни, всѣ поняли, что это не просто какіе-нибудь ряженные, а ряженные — разбойники. Когда одинъ изъ разбойниковъ сбросилъ съ плечъ энотовую шубу, то всѣ узнали въ немъ самого атамана. Глазамъ публики предсталъ высокій и молодой мущина, съ черной бородою и блестящими глазами, одѣтый въ черный бархатный казакинъ, съ двумя пистолетами и кинжаломъ за серебрянымъ поясомъ.

— Кто это такой? спрашивали за столами.

— Надо полагать, кто-нибудь изъ купеческихъ сынковъ. А кто именно — не узнаешь въ бородѣ.

Половой Румянцевъ громко провозвѣстилъ:

— Почтеннѣйшая публика! сейчасъ здѣсь начнется представленіе шайки разбойниковъ одного ужаснаго рассейскаго атамана!

Румянцевъ умолекъ, «а ужасный рассейскій атаманъ разбойниковъ» сдѣлалъ своей шайкѣ знакъ, и разбойники отошли къ одной сторонѣ.

Представленіе тотчасъ началось

— Есаулъ! вскрикнулъ атаманъ.

— Чего изволите, господинъ атаманъ? отвѣтилъ эсаулъ.

— Возьми проворнѣй подзорную трубу и посмотри не видать ли чего!

Эсауль приставляетъ къ глазу картонную трубу и смотритъ. Атаманъ молча ходитъ по залѣ.

— Видишь ли что?

— Ничего, господинъ атаманъ!

— Посмотри въ другую сторону: не плывутъ ли по Волгѣ-матушкѣ купеческіе суда, не везутъ ли дорогіе товары и золото?

Эсауль смотритъ.

— Видишь ли что?

— Опрічь пеневъ, кореньевъ и мелкихъ листьевъ ничего не вижу, господинъ атаманъ!

Атаманъ ходитъ и опять приказываетъ эсаулу смотрѣть въ трубу.

Ряженые завладѣли всѣмъ вниманіемъ публики, заинтересованной, какъ самымъ представленіемъ, такъ равно и внѣшностью исполнителей представленія: въ атаманѣ для нея было все полно интереса и таинственности, начиная съ черкесской шапки и кончая сапогами, съ высокими лаковыми голенищами и красными отворотами, а въ эсаулѣ — фізіономія, росписанная по крайней мѣрѣ семью колерами и живописностью своею превосходящая самое смѣлое изображеніе чорта, на какое только когда либо въ состояніи была дерзнуть прихотливая фантазія суздальскаго богомаза. Всѣ смотрѣли и слушали напряженно, даже Капитонъ Платоновичъ, волостной писарь, снизошелъ до нѣкоторой степени вниманія и частенько поглядывалъ на атамана, а озорной купецъ, какъ опустился на диванъ, такъ и сидѣлъ не шевелясь съ вытаращенными глазами на разбойниковъ, и до конца представленія пребывалъ въ необыкновенномъ смиреніи. Изъ всей публики къ представленію оставались равнодушными Петръ Карпычъ и «нѣмецъ»: они заняты были собственнымъ своимъ разговоромъ и никого знать не хотѣли.

— Нѣтъ, вы скажите, кто другой выдумалъ бы такую штуку, говорилъ Петръ Карпычъ, не сводя сіяющаго взора съ нѣмца. Никто въ мірѣ! Теперь я еще больше васъ люблю и уважаю. Умственно, умственно и тысячу разъ все будетъ умственно! И гдѣ вы такой костюмъ достали? Хорошъ, очень хорошъ!... Скажите, какъ ваши дѣла?

— Плохи мои дѣла, Петръ Карпычъ, отвѣчалъ нѣмецъ — опять безъ мѣста....

— Неужели? Ахъ, молодой человѣкъ... Ну что же, мы, ради свиданія, выпьемъ съ вами?

«Нѣмецъ» кивнулъ головою.

— Скажите, за какую вину васъ прогнали? Вы у Обиралова жили.... За ваше здоровье!

Они чокнулись и выпили.

— А мнѣ ты забылъ? напомнилъ о себѣ рѣщикъ. Налей!

— Поступилъ я къ Обиралову, рассказывалъ «нѣмецъ». Двѣ недѣли прожилъ все шло хорошо, за механика справлялъ, когда того на фабрику не бывало. Директоръ нашъ, англичанинъ, оставался мной какъ нельзя больше доволенъ: зайдетъ въ паровую, поглядитъ вездѣ и подойдетъ ко мнѣ. Возьметъ меня за руку, заглянетъ мнѣ въ лицо, потреплетъ этакъ ласково по плечу и скажетъ: «а ты, руска, не глупъ: у тебя голова карошъ, очень карошъ! старайся». Покорно благодарю, Адамъ Адамычъ: буду стараться! Ну, думаю, англичанину я понравился, значить, скоро не прогонять: поживу. Работаю, весело мнѣ такъ.... Вдругъ въ контору зовутъ—хозяинъ требуетъ. За чѣмъ это я понадобился? Иду дорогою и думаю: ужъ не хочетъ ли онъ жалованья мнѣ прибавить.... И самому смѣшно послѣ стало, откуда у меня такая мысль взялась. Прихожу, спрашиваю, что угодно! хозяинъ сидитъ, разговариваетъ съ конторщикомъ и вниманія на меня не обращаетъ. Съ полчаса, или дольше простоялъ, хотѣлъ уйти. Ты зачѣмъ стоишь здѣсь? вдругъ спрашиваетъ хозяинъ и не глядитъ на меня. Говорю: звали.— «Да, знаю, говоритъ. Ты отъ кого на мою фабрику поступилъ?» Я сказалъ.— «Такъ это ты, говоритъ, вездѣ рабочихъ-то бунтуешь, да противъ хозяевъ смущаешь?» Нѣтъ, я этимъ не занимаюсь. «Какъ? А у братьевъ Грачевыхъ не ты рабочихъ взбунтовалъ? Ахъ ты, пацанонокъ!» Вы, говорю, погодите ругаться, а прежде разберите хорошенько. Никакого бунта я нигдѣ не дѣлалъ, а что одному рабочему, которому господа Грачевы не выдавали расчета, я посовѣтовалъ сходить къ мировому судѣ, — это правда. «Такъ ты у меня станешь давать такіе совѣты?» Не знаю. «Ахъ ты, паршивый! закричалъ на меня Обираловъ. Да какъ ты смѣлъ только помыслить, чтобы меня — потомственного почетнаго гражданина и первой гильдіи купца, да сравнялъ мировой судья съ какимъ-нибудь рабочимъ? Вѣдь вы что? Нищія! Нѣтъ, хуже, — собаки, которымъ мы изъ милости бросаемъ кусокъ хлѣба!... Ты погляди на себя, чего ты стоишь-то, животина несчастная?» Такое тутъ меня зло взяло, Петръ Карпычъ, что я не помню, какъ я устоялъ на мѣстѣ, не кинулся на него! Вы, говорю, не смѣете ругаться.... А онъ, — «Я не смѣю? Хо-хо-хо! Конторщикъ, подочти-ка этого молодца по вчерашнее число, да вели сторожамъ взять метлу, погрязиѣе какую, да метлой-то его этой съ фабрики, чтобы минуты больше ноги его

здѣсь не оставалось!»! Взялъ я деньги и со стыдомъ ушелъ съ фабрики, да такъ вотъ съ тѣхъ поръ все безъ мѣста и скитаюсь. Куда ни приду, хозяева только спросятъ: у кого жиль? У Обиралова! Ну, такъ у насъ тебѣ мѣста нѣтъ.

— Другъ ты мой, Александръ Никитичъ! воскликнулъ Петръ Карпычъ—умнымъ людямъ плохо на свѣтѣ жить, особенно въ нашемъ Даниловѣ. Помните вы нашъ разговоръ, когда я съ вами познакомился? Я тогда же васъ понялъ... По стаканчику!

— Давайте, Петръ Карпычъ!

Рѣщикъ Гаврило, съ большимъ любопытствомъ слѣдившій за ходомъ представленія, при словѣ стаканчикъ, встрепенулся и живо обернулся къ пріятелю.

— Карпычъ, ты не забудь мнѣ налить? А то вѣдь ты....

Молчаливый ткачъ, вслушивавшійся въ разговоръ «нѣмца», ничего не промолвилъ, но мрачно налилъ самъ себѣ стаканъ водки и еще мрачнѣе выпилъ его.

— Ребята! садись всѣ въ лодку! приказывалъ между тѣмъ атаманъ.

Разбойники, по слову атамана, бросаются на полъ и усаживаются въ начерченную мѣломъ на полу лодку; атаманъ становится посреди лодки, а эсауль впереди на носу.

— Отваливай, ребята.

Разбойники, исполнявшіе роль гребцовъ, дружно взмахнули руками и заразъ всхлопнули ладонями, какъ будто ударили веслами по водѣ и затанули пѣсню:

Внизъ по ма-а-атушкѣ по Во-о-лгѣ!

Только запѣвало дотянулъ послѣднюю ноту, какъ товарищи подхватили и грянули:

По широ-о-о-окому раздо-о-о-лю-ю-ю!

Гости встали съ мѣстъ; изъ дверей уставилось множество любопытныхъ лицъ; всѣ стояли и слушали.

— Вотъ это хорошо, замѣтилъ Петръ Карпычъ—это стоитъ слушать!

— «Ни-ичего-о въ волнахъ не ви-и-и-идно!...» разносилось по всему трактиру.

— Эсауль! раздался изъ за пѣсни голосъ атамана.

— Что угодно, господинъ атаманъ?

— Возьми подзорную трубу и посмотри во всѣ стороны, не видать ли гдѣ чего?

— Слушаю, господинъ атаманъ!

Эсауль опять наводитъ картонную трубу.

— Эсауль!

— Что угодно, господинъ атаманъ.

— Видишь ли что?

— Вижу, господинъ атаманъ! Недалеко отсюда островъ, на томъ островѣ стоятъ боярскіе хоромы; въ хоромахъ тѣхъ подъ окошечкомъ сидитъ красная дѣвица и въ печали большой грызетъ подсолнышники....

— А какова собою красная дѣвица?

— Да вотъ какова, господинъ атаманъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать невозможно красоты ея лица и всѣхъ прелестей! Канфета живая!

— Оставь про себя прибаутки, эсауль, а то какъ разъ головой мнѣ за это поплатишься, грозить атаманъ.

— Братцы товарищи, удалые молодцы-разбойнички, обращается онъ ко всѣмъ — поѣдемте мы на этотъ островъ, возьмемъ хоромы боярскіе и разграбимъ всю казну его богатую и сокровища несмѣтныя! Скажу я вамъ тогда, товарищи: берите все себѣ золото, жемчугъ и камни самоцвѣтные; а я возьму себѣ только одно сокровище — красавицу дочку боярскую! Довольны ли товарищи?

— Ура, атаманъ!

Разбойники вскидываютъ къверху шапки и снова кричатъ: ура! Дѣлаютъ еще нѣсколько сильныхъ взмаховъ руками и запѣваютъ:

Эхъ, приворачивай, ребята, ко крутому бережочку!

Черезъ минуту всѣ вскакиваютъ, хватаются за оружіе и нападаютъ на стѣну, предоставляя воображенію зрителей видѣть въ этой стѣнѣ осаждаемые боярскіе хоромы. Выстрѣлы, крики, стоны погибающихъ, — и представленіе оканчивается.

— Все? спрашиваютъ.

— Все.

Разбойники расходятся по другимъ заламъ, а Нагоровъ съ эсауломъ садятся въ дворянской.

Всеобщее одобреніе.

— Важно! Вотъ такъ представленья! Экіе молодцы!

— Купеческіе сынки — они на все мастера!

Купецъ, все время сидѣвшій въ оцѣпененіи, съ окончаніемъ представленія очнулся и принялся кричать:

— А гдѣ жъ эта красавица, боярская дочь! Покажите! Эй, комедіанты, вы забыли свое дѣло! Представляйте!

Опять въ углу заревѣлъ контръ-басъ, опять взвизгнули скрипки и опять сконфузились, когда грянулъ барабанъ; снова все при-

шло въ движеніе, поднялся плясъ и круженіе ряженныхъ, все перемѣшалось и перепуталось. Шумъ, гамъ...

«Нѣмецъ» скинулъ съ себя маску и, усѣвшись такъ, чтобы лицо его какъ можно меньше было видно публикѣ, продолжалъ бесѣду съ Груздевымъ.

— Не знаю, что мнѣ дѣлать съ собою, говорилъ молодой человѣкъ, наклонившись почти къ самому лицу собесѣдника. Теперь святки, вечера святые прошляюсь какъ-нибудь по трактирамъ и время пройдетъ, не увижу... А послѣ святокъ, что стану дѣлать? Опять ходить съ ящичкомъ — никто не пуститъ, велятъ гнать, а другого занятія нѣтъ... Эхъ, хуже каторжной такая жизнь!

— Другъ, Саша, не унывай! ободряетъ молодого человѣка Груздевъ. Мы лучше еще по стаканчику..- Тоска пройдетъ!

— Какъ рукой сниметъ! подхватилъ Гаврило. Нуко, мнѣ вотъ въ этотъ, — побольше какой... Штобы, значить, духъ вышибло поскорѣе, а то что канитель-то по-пустому тянуть?..

— А я замѣчаю, что отъ водки у меня больше тоска расходится. Выпить одинъ, два стаканчика — ничего, словно веселѣе будетъ, а какъ перешелъ за третій, такъ лучше бы не пить: такая-то ли злоба да грусть подкатить къ сердцу, что бери тогда ножъ и выходи на большую дорогу!

Угрюмый теачъ окинулъ своимъ мрачнымъ взглядомъ молодого человѣка и проговорилъ:

— Вонъ оно дѣло куда пошло!..

— Прежде я не замѣчалъ этого за собою, а вотъ теперь сталъ чувствовать, говорилъ послѣ четвертаго стакана Александръ Никитичъ, низко опуская на столъ голову. Плохо! Самъ безъ мѣста, въ домѣ ни копѣйки; а тутъ отецъ, мать...

— Не допущу! Они надо мной надсмѣшку сдѣлали, раздавался голосъ купца. Я хочу ее видѣть! Подать мнѣ боярскую дочь!

— Отчаянная голова, да уймешься ли ты? Половые!

Но половые махали только руками и проходили мимо.

— Вѣдь мнѣ жаль стариковъ, словно про себя говорилъ молодой человѣкъ: — маялись, маялись они вѣкъ-отъ свой, да и подъ старость голодать приходится. А я ничѣмъ имъ помочь не могу! Что же я за сынъ, на что я гожусь?...

— Саша! другъ ты мой, не унывай! утѣшалъ Петръ Карпычъ. Ты вспомни одно: мы никого не обижали, ничьего чужого хлѣба не заѣдали, а насъ всѣ обижаютъ, нашъ хлѣбъ всѣ ѣдятъ! Саша, мы, братъ, честные люди! хоть бѣдны да честны!..

Александръ Никитичъ при этихъ словахъ Груздева, поднялъ

голову, посмотрѣлъ на него совершенно трезвымъ взглядомъ и заговорилъ.

— Да что же изъ этого? Да развѣ мнѣ отъ того легче, что я честенъ, а ѣсть за меня будутъ другіе! Нѣтъ, я самъ хочу ѣсть!..

— Вѣрно! во все горло заоралъ, обрадовавшись чему-то рѣщикъ — Карпычъ, требуй скорѣе графинъ!

— Только побольше который, — угрюмо добавилъ мрачный ткачъ. Ужъ ты насъ угощай теперь, Карпычъ; а современемъ тово... Посмотримъ тамъ... Съ деньжонками собьюсь, такъ я тебя тоже... тово... И самъ махану...

— Я не стану пить, для меня не нужно, сказалъ Александръ Никитичъ.

— Што вы?!.. Какъ!

— Невозможно?

— Саша, выпьемъ! Половой!

Но половой стоялъ ужъ тутъ и говорилъ:

— Пожалуйста въ другую залу, господа!

— Зачѣмъ?

— Тамъ для васъ гораздо будетъ слободнѣй. Пожалуйста!

— Не безпокойся намъ и здѣсь свободно. Подай графинъ очищенной!

— Подать вамъ подадутъ, только вы значить, пожалуйста въ другую залу. У насъ опущеніе изъ за васъ большое, хорошимъ гостямъ отказываемъ, мѣстовъ нѣтъ...

Петръ Карпычъ пріосанился.

— Да ты какъ смѣешь, а? Развѣ ты имѣешь право насъ выгонять? Грубить ты смѣешь, а? Мужикъ!

— Помилуйте! мы очень вѣжливо.... Пожалуйста, сдѣлайте милость! Не доводите до грѣха...

Груздевъ еще больше принялъ сановитый видъ.

— Послушай! ты знаешь съ кѣмъ такъ говоришь? и гордо выправившись, онъ прибавилъ: я гражданинъ и первый рисовальщикъ во всей нашей имперіи! Понялъ?

— Очинь! Сей минуту обо всемъ хозяину будетъ доложено.

По уходѣ полового, Гаврило сказалъ товарищамъ:

— Перейдемте, братцы! Намъ все равно, гдѣ ни пить.

— Стой! тономъ негодованія произнесъ первый рисовальщикъ нашей имперіи: я дольше одной секунды здѣсь не сажу! Нужно расчитаться... Половой! Шубу!

Волостной писарь перешелъ отъ прежнихъ компаніоновъ къ Нагорову и обязательно предлагалъ:

— По моему мнѣнію, самое лучшее теперь вамъ заказать по стакану грентвейну. Превосходный напитокъ!

Купецъ никакъ не могъ уговориться и оралъ:

— Комедіанты! Десять цѣлковыхъ на водку—только боярскую дочь предоставьте ко мнѣ на лицо!

— Горя, собирайся! слышался голосъ Петра Карпыча, навидывавшаго на плечи свою ужасную собаку, для красоты слога называемую самимъ владѣльцемъ шубою.

Путь нашихъ друзей лежалъ какъ разъ мимо той улицы, въ которой жила старуха Оекла Денисовна, съ двумя племянницами Петра Карпыча.

Какъ ни тиха и малолюдна была эта улица, но святки и туда заглянули. Заглянули въ нее святки—и пустынная улица ожила, весело заговорила и засмѣялась.

— Какое первое имя услышу—это и будетъ мой женихъ,—слышится на улицѣ.

— Анъ нѣтъ! мой!

— Сичасъ! Такъ и уступила тебѣ... Я васъ тутъ всѣхъ старше. Мнѣ давно замужъ пора...

— Да ну тебя съ твоей старостью! Ишь старуха какая нашлась?... Къ ручеѣ не прикажешь ли подойти?...

Спорила, спорила такимъ образомъ улица и вдругъ разсыпался по ней звонкій, беззаботный смѣхъ.

Мѣсяць только-что выбился изъ-за высокой крыши одной фабрики и разомъ освѣтилъ половину улицы. У плетня небольшого стараго домика, облитыя мѣсячнымъ свѣтомъ, стояли дѣвушки и весело смѣялись. То были: Настя и Паша—племянницы Петра Карпыча съ своими молодыми подругами.

— Слушайте, дѣвоньки,—заговорила громко одна изъ нихъ. Подемте-ка подъ окошка слушать, чѣмъ такъ-то стоять.

— Подемте, подемте! шумно согласились всѣ—и побѣжали.

— Куда вы, шальные? Стойте!

Остановились.

— Што ты, Настя?

— Погодите! Разѣ можно всей гурьбой? Одной надо идти въ одному дому, другой—къ другому, такъ всѣ по одиночкѣ и разойдемся.

— Дѣло! Этакъ въ самъ дѣлѣ лучше.

— О чемъ говорятъ? перешептывались черезъ минуту дѣвушки, подслушивая и посматривая въ окна разныхъ избъ.

— Молчи! Собираются ужинать...

— А здѣсь ужъ кашу ѣдятъ. Ребята другъ друга по лбамъ ложками щелкаютъ.

Подъ однимъ окномъ раздался сдержанный смѣхъ и затѣмъ тихій голосъ торопливо проговорилъ:

— Дѣвушки! Подите-ка поскорѣе ко мнѣ. Вотъ чудеса-то гдѣ! Всѣ кинулись на этотъ зовъ.

— Глядите-ка: видѣли вы такіе фокусы, или нѣтъ?

Нѣсколько паръ самыхъ любопытныхъ и веселыхъ глазъ устремились въ окно, на которое указывала подруга.

За столомъ, противъ окна, сидѣлъ въ рубашкѣ мужчина, замѣтно на-веселѣ; онъ счастливо улыбался и размахивалъ руками; на головѣ у него надѣтъ былъ большой печной горшокъ. Передъ мужчиной, похлопывая въ ладоши, кружилась и подплясывала женщина, улыбающаяся также счастливо. Видимо было, что она что-то пѣла,—причемъ руки ея протягивались къ горшку и часто до него дотрогивались. Мужчина, тихо отстраняя отъ себя женскія руки, продолжалъ улыбаться самымъ невиннымъ образомъ.

Какъ только завидѣли дѣвушки эту картину, такъ и отпрянули отъ окна и съ громкимъ хохотомъ пустились бѣжать отъ него вдоль улицы.

— Ой, батюшки! со смѣху умру! Мужикъ горшокъ на голову напялил!

— Да какой же это дуракъ ухитрился? Кто это?

— Финогена не знаешь? Какъ же не знать Финогена съ женой? Вотъ счастливо-то живутъ! Завсегда у нихъ смѣхи, пляски да пѣсни, даромъ, што бѣдные! Такая голь, такая голь: хоть шаромъ покати по избѣ,—все гладко! Говорятъ: одно только несчастье у насъ: дѣтей Господь не даетъ!...

— А я вамъ теперь, дѣвицы, другую штуку покажу—еще смѣшнѣй будетъ! предложила одна подруга, подбѣгая къ одному новому деревянному дому, изъ окна котораго спускалось на улицу длинное полотенце. Дѣвушка схватила расшитый конецъ этого полотенца и начала утираться имъ. Изъ дома послышался женскій голосъ:

— Какъ ваше имя, господинъ неизвѣстный?

Шутница, утиравшаяся полотенцемъ, измѣнила голосъ и отвѣтила толстымъ басомъ:

— Мавра!

— Какъ?

— Мавра Ѳедо-ров-на! Вотъ какъ твоего жениха зовутъ!...
Пойдешь за меня замужъ, или нѣтъ?...

— Какія надсмѣшки! сказалъ недовольный голосъ, и затѣмъ полотенецъ взвилось кверху, и оконная форточка захлопнулась.

Опять смѣхъ—и опять дѣвицы бѣгутъ дальше куда-то, словно бы гоняясь за скоротечнымъ, святочнымъ весельемъ.

— Какъ, надо полагать, она разозлилась за твою шутку,— говоритъ Настя. Вѣдь она десять годовъ жениха-то ждетъ; а тутъ вдругъ—вотъ тебѣ разъ!—Мавра Федоровна, говорятъ, твой женихъ.

На встрѣчу попалась другая дѣвичья группа: тоже гадаютъ.

— Што, дѣвушки, про судьбу загадывали? полюбопытствовала Мавруша у встрѣчныхъ.

— Нѣтъ! Мы такъ гуляемъ. А вы гадали?

— Нѣтъ! Мы такими пустяками не занимаемся. Такъ больше ходимъ: одинъ променать дѣлаемъ...

Обѣ гурьбы, увѣренныя, что онѣ солгали другъ другу, съ смѣхомъ расходятся.

Пришли на перекрестокъ. Ждутъ, кто мимо пройдетъ.

«Я п-пос-сѣю-ли, мл-лада мл-лад-денька», запѣваетъ голосъ на улицѣ.

— Што-же это никто до сихъ поръ нейдетъ?

— Подождемъ! Авось, кто-нибудь на наше счастье и пройдетъ. По крайности узнаемъ, какіе у мужьевъ имена будутъ.

Вдали, гдѣ находились базарная площадь и самыя людныя улицы, крики и гулъ несмолкаютъ ни на минуту и все больше и больше усиливаются и расходятся.

— Вотъ гдѣ ряженые-то! переговариваются дѣвушки, любопытно прислушиваясь къ неразборчивому шуму.

— Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть на ряженыхъ, какіе по трактирамъ ходятъ,—сказала Паша. Говорятъ, они тамъ разныя исторіи представляютъ, все равно какъ въ театрѣ...

— Представляютъ, да нескладно выходить... Я была тамъ однажды, тетка изъ Питера къ намъ пріѣхала и меня потихоньку съ собой въ трактиръ утащила,—такъ я такого насмотрѣлась, со стыда сгорѣла!.. А тетка не пуцаетъ меня, стоитъ и смѣется...

— Питерская!...

— Тише! идетъ кто-то...

Изъ переулка медленно выходили двѣ какія-то фигуры, обхвативши другъ друга руками. Покачиваясь изъ стороны въ сторону, онѣ вели между собою такой разговоръ:

— Теперь, я скажу тебѣ: затмѣніе... можешь-ли ты своимъ умомъ постигнуть его?.. А?...

— Н-нем-могу! отвѣчаетъ кто-то рѣшительнымъ, но тѣмъ не менѣе пропившимся басомъ.

— Я это зналъ! Я зналъ, что ты этого не сообразишь, потому ты грамотѣ не знаешь; а я, напротивъ того, сидючи по избамъ, сколько этихъ книгъ перечиталъ, — конца-краю нѣтъ... Я тебѣ все могу объяснить... Слушай! За-атм-мѣніе...

— Какъ васъ зовутъ? Отвѣтите, — будьте столь добры! перебила Мавруша астрономическія бесѣды двухъ друзей.

— Настя! Вѣдь это, кажется, голосъ-то дядинъ?

— И мнѣ тоже слышится. Сейчасъ узнаемъ.

— Какъ васъ зовутъ? настаивала Мавра Федоровна, только что сейчасъ предлагавшая себя въ женихи неизвѣстной особѣ, вывѣсившей изъ окна полотенце.

Пріятели, занятые важнымъ разговоромъ, прошли-было мимо и не отвѣчали на вопросъ; но строгій Дашинъ окрикъ, раздавшійся снова, заставилъ ихъ остановиться.

— Гаря, стой! это, братъ, дѣвушки о женихахъ гадаютъ. Скажи имъ, другъ, какъ тебя зовутъ, а я ужъ теперича не женихъ...

— Это я могу—мое имя сказать, отвѣтила на это приглашеніе одна изъ приблизившихся къ дѣвушкамъ фигуръ. Это я съ большимъ моимъ удовольствіемъ... Отчего не сказать? Объ затмѣніи я не могу... Карпычъ—онъ вотъ и объ затмѣніи скажетъ... Онъ, эти науки-то, можетъ, избави Господи, какъ понимаетъ... Всѣ до одного слова!.. Такъ онъ тебѣ, дѣвушка, это сразу растолкуетъ, а я теперича слабъ.

— Да не объ этомъ! Вы скажите, какъ васъ зовутъ?..

— Зовутъ-то?.. Давно бы сказали... Это я могу... Карпычъ! Влей-кося и мнѣ, я имъ скажу, какъ меня зовутъ... Безъ этого ни-ни! то-есть ни словечка невымолвлю, потому я, братъ, вижу: ты безъ меня хочешь... одинъ... Н-нѣ-ѣтъ, шал-лишь!

Дружный хохотъ вырвался изъ дѣвичьей стаи и раскатился по всей улицѣ

— Гаврило! Ты пьянъ! началъ Карпычъ. Когда же ты успѣлъ такъ нализаться? Пьянъ, пьянъ, братъ! Ахъ ты, чудище! это не хорошо!..

— Я пьянъ? я? Да съ какой стати? Да я ни въ одномъ, то-есть окѣ!..

Настя и Паша, забѣжавши съ двухъ сторонъ, поцѣловали дядю въ обѣ щеки.

Петръ Карпычъ выпустилъ пріятеля изъ своихъ рукъ и откинулъ голову назадъ, съ изумленіемъ вглядываясь въ своихъ племянницъ.

— Это кто!? радостно воскликнулъ онъ: Настя! Папа! Ахъ вы, мои милыя! Небойсь гадаете? Похвально! Умственно, сейчасъ умереть! Гаря—другъ! Гляди: вотъ онѣ—племянницы-то мои гдѣ!.. Вотъ, братъ, дѣвушки, такъ дѣвушки. Руководѣльницы: сами себя кормятъ, обуваютъ и одѣваютъ, вина, другъ, ни, то-есть кап-пел-лечки ни одной...

— Это хорошо! отвѣчалъ Гаря, покачиваясь. Это, слава Богу, то-есть што ты на счетъ вина говоришь, што не пьютъ онѣ его... Я имъ скажу сичасъ за это, какъ меня зовутъ; а ты пошли-ка покамѣсть за косушкой, штоли? Пока еще кабаки не заперты... А это, очень слава Богу, што онѣ не потребляютъ... Тутъ, братъ, въ Даниловѣ, я тебѣ прямо скажу: всѣ вино жрутъ! Малый ребенокъ—и тотъ его жретъ. Найдеть ребенокъ на дорогѣ копѣчку, сичасъ въ кабакъ. Дядинька, говоритъ цѣловальнику: дай на копѣчку! Ахъ! Пропаста на васъ нѣту. Очень меня смѣхъ разнимаетъ съ этого... ха, ха, ха!..

Папа и Настя упрашивали между тѣмъ зайти къ нимъ въ гости.

— Никакъ невозможно, золотыя! Въ другое время съ большимъ удовольствіемъ, а теперь никакъ не могу. Вы видите: Гарька-то каково угостился?...

— Да вы куда шли-то?

— Къ нему же и шли, потому я нынѣ у него на квартирѣ живу. Какъ же! Съ самаго Рождества переѣхалъ. Жены у Гари теперь нѣтъ, она на всѣ святки къ роднымъ въ деревню ушла, вотъ я къ нему и переѣхалъ... Оно, по настоящему, рано бы домой, да видите, какъ онъ разслабъ...

— Ты хоть не надолго зайди, вмѣстѣ съ нимъ, ничего! Напѣтесь чаю и пойдете домой.

— Не просите. Въ другой разъ—такъ, теперь не могу. Гаря! Сбирайся въ дорогу! Прощайте, дѣтушки! Бабушкѣ кланяйтесь!

Пріятели опять взялись за руки и тронулись въ дальнѣйшій путь. Дѣвушки, глядя имъ вслѣдъ, кричали:

— Ну такъ мы сами къ тебѣ, дяденька, въ гости придемъ!

— Когда?

— Да вамъ когда посвободнѣе будетъ: завтра, штоли...

— Милости просимъ! Отчего же? бормоталъ Гаврило... Рады будемъ. Угощенье можемъ всякое для васъ оборудовать... У насъ тоже многого нѣтъ, а для хорошаго человѣка, благодаря Бога, на полштофъ завсегда раздобудемъ...

— Не ходите ужъ лучше, — бкрикнулъ Петръ Карпычъ въ отвѣтъ племянницамъ. А то вы меня, пожалуй, и дома-то не-

застанете, потому я завтра на другую квартиру думаю переѣхать...

Настя улыбнулась. Постояла, посмотрѣла, какъ на минуту остановившіеся пріятели снова тронулись въ путь и, вздохнувъ, воротилась къ подругамъ.

— Куда-жъ намъ теперь?

— Да домой пора: бабенка теперь заждалась насъ, поди, чай пить.

— Ну, коли такъ, подемте домой...

Веселыя, съ раскраснѣвшимися щеками и блистающими глазами, дѣвушки шумно влетѣли къ бабушкѣ-Оеклѣ, у которой давно уже стоялъ на столѣ самоваръ и шумѣлъ какъ-то особенно весело, посвяточному, а вокругъ сидѣли гости.

— Нагулялись-ли гуляны? спрашивала старуха, встрѣчая доброй, любящей улыбкой счастливыя, полныя жизни и цвѣтущаго здоровья лица дѣвушекъ.

— Не очень-то, бабушка, нагулялись, — отвѣтила женихъ-Мавра Оедоровна, сбрасывая съ головы платокъ. Чаю вотъ захотѣли попить, а то бы до полночи домой не пришли.

— Ну, такъ садитесь скорѣе—пейте. Вы, поди, перезябли, — говорила старуха, наливая чашки. Ну, рассказывайте же мнѣ, дѣвчонки, какую вы себѣ судьбу нагадали?

— Да што, бабушка, нагадали? Хорошаго малость. Спрашиваемъ у Гаврилы-рѣщика: какъ васъ зовутъ? А онъ говорить: «Карпычъ! ты, братъ, и мнѣ наливай!...» Ха, ха, ха! Вонъ, вѣрно, какъ нашихъ жениховъ-то зовутъ... «Ты и мнѣ наливай!» Ха, ха, ха!

— Ужъ и дядю успѣли повидать? спрашивала Оекла Денисовна.

— Видѣли, бабушка! Велѣлъ тебѣ кланяться. Говорить: приду въ гости.

— Придетъ онъ! Таковскій парень! чай, пьянехонекъ?

— Нѣтъ, бабушка! Разить отъ него виномъ, а не пьянъ.

— Удивленье! Вѣрно, это къ смерти ему; а то бы онъ рази устоялъ въ такой праздникъ? Еще кого видѣли,—сказывайте?

— Видѣли Финогена, — сказала Паша. Онъ сидитъ за столомъ,—на головѣ у него горшокъ надѣтъ...

— Горшокъ? Этакой прокурать! Вотъ тоже мужикъ хороший, а какъ и нашъ Петръ Карпычъ, любитъ хмѣлькомъ зашибаться. Што же онъ дѣлаетъ?

— Ничего не дѣлаетъ. Сидитъ и смѣется; а жена, вокругъ его, пляшетъ и въ ладоши щелкаетъ.

— Ну, значитъ: оба хватили для праздника... экіе проку-

раты! Все говорятъ: мы слава Богу; а завтра ѣсть нечего будетъ... Беззаботные!

Дѣвушки рассказывали все, что они видѣли и слышали на улицѣ,—рассказывали и весело смѣялись. Счастье ихъ было полное. Совершенное отсутствіе всякихъ тревогъ и безпокойствъ написано было на молодыхъ лицахъ самыми яркими красками. Такъ незамѣтно пролетѣлъ весь святочный вечеръ.

Наконецъ гости спохватились, что ужъ давно пора по домамъ расходиться, — завтра нужно рано вставать и за тканье приниматься.

— Мы васъ провожать пойдемъ, — говорила Настя, помогая подругамъ надѣвать платки и шубки.

А тѣмъ временемъ, когда въ старомъ домикѣ веселилась молодая, дѣвичья жизнь, мимо воротъ этого домика ходилъ мужчина въ шубѣ и черкесской шапкѣ. Мужчина доходилъ до угла перваго переулка, въ которомъ стояли сани, запряженные парой лошадей, — оглядывался и потомъ возвращался назадъ. Но видно, такая прогулка надоѣла неизвѣстному: онъ, проговоривши что-то сердитое и неразборчивое, сѣлъ въ сани и уѣхалъ.

Было около полуночи. Полный мѣсяцъ высоко стоялъ на синемъ небѣ, усѣянномъ звѣздами и любопытно глядѣлъ на покрытую снѣгомъ землю, разливая по ней мягкій и ласкающій свѣтъ. Въ Даниловѣ все улегалось, становилось тише и молчаливѣе, изрѣдка только по улицамъ съ визгомъ проносились сани, да проходилъ обыватель, возвращающійся изъ увеселительныхъ заведеній. Только середина Данилова, гдѣ помѣщались трактиры, еще шумѣла и волновалась.

— Экая ночь-то чудесная! Сказала Паша, вышедши за ворота проводить подругъ.

— Хорошо-то, хорошо! отвѣтила Пашѣ одна изъ пріятельницъ, — а дома все лучше!... У меня еще штука миткаля не до-ткана.

— Прощай, Настя!

— Прощай, Мавруша! Даша, прощай!

— Прощайте!

Простятся—и опять стоять.

— Давайте-ка, дѣвушки, подь Новый годъ гадать соберемъ, предложитъ кто-нибудь.

— У меня сбираться! У меня! У меня! закипалъ споръ, послѣ одобреннаго предложенія.

— Ну, Настя! Ты ступай въ избу, а я Маврушу до дому провожу,—сказала Паша.

— Ты недолго смотри! Одѣлась-то тепло-ли?

— Небойсь, я не озябну. Видишь, на мнѣ шубка!

Произошло окончательное прощанье до гаданья подь Новый годъ—и двѣ подруги пошли въ одну сторону, а Паша съ Маврой въ другую.

Не вдалькѣ, посреди улицы, показался запоздалый народъ; слышались голоса:

— Ахъ! И черти же эти хозяева! гудѣлъ какой-то басъ.— Имъ только и дѣло, што изъ нашего брата, рабочаго человѣка, кровь сосать! Сколько ты у нихъ ни живи, какъ честно ни служи, а все отъ хорошаго слова не уйдешь: либо воръ, либо мошенникъ, а то и все вмѣстѣ; а подь конецъ и послѣдніе штаны оставишь на фабрикѣ...

— Это какъ есть! Много народу съ фабрикъ-то съ этихъ безъ штановъ по дворамъ разошлось. Тамъ, говорятъ, дома ужъ лучше жены новые пошьютъ... Право, ей Богу,—при крестахъ, при однихъ, ребята, остались...

— При крестахъ? это, слава Богу, Васюкѣ, што хоша при крестахъ остались; а то и крестъ-отъ, такъ и тотъ снимутъ—и спасибо не скажутъ...

Толпа проходить; но до слуха подругъ еще доносится:

— При креста-ах-хъ! Да ты за это каждый день долженъ по тыщѣ поклоновъ въ землю класть...

— Слышишь, какъ хозяевъ-то честятъ! сказала Мавруша.

— Того stoютъ! отвѣчала Паша. Много они бѣднаго народу обижаютъ. Вотъ хоть бы и наше дѣло: шьемъ на богатыхъ купчихъ, просиживаешь ночи напролетъ, а понесешь къ давальцамъ работу, такъ мало, что мѣсяца по три къ нимъ за деньгами ходишь, при расчетѣ непременно къ чему-нибудь придерутся и хоть сколько-нибудь, да вычтутъ съ тебя...

И не то отъ досады на хозяйскую неправду, не то отъ другого чего, дѣвушки замолкли—и шли не торопясь, поскрипывая ботинками по снѣгу.

— Мавруша!

— Што?

— Скажи мнѣ, милая, ты никого не любишь?

— Што это тебѣ вздумалось? Вѣдь ты знаешь, што некого здѣсь любить. Мнѣ вотъ пришелся, было, по нраву одинъ паренекъ, да видно—не судьба!

— А што?

— Никакого вниманія на меня не обращаетъ: пройдетъ

мимо и на окошко никогда не взглянетъ. Нечувствительный какой-то!...

— Да кто же это такой?

— Ну, ты, чай, сама знаешь. Есть тутъ одинъ механикъ такой—Саша... Никиты Безбрюхова сынъ.

— Знаю! Александръ Никитичъ?... Онъ, я слышала, очень умный молодецъ.

— Да што мнѣ въ томъ, ежели онъ меня знать не хочетъ? Нечего понапрасну и думать объ немъ: одна забота пустая, да работѣ помѣха...

— Ну, Мавруша,—заговорила Паша... Это не хорошо, што ты такъ про любовь разсуждаешь... А со мной отъ этой любви бываетъ смертная скука,—тоска какая-то накатывается... Плакать мнѣ хочется по такимъ временамъ, а я все сижу себѣ за иглой—и улыбаюсь. Сама чувствую, что лицо-то у меня, словно отъ жару, или отъ какой болѣсти, горитъ... Но все же въ цѣломъ свѣтѣ—и объ этомъ я тоже думаю, — нѣтъ для меня ничего лучше моей думы тогдашней. Ищу, — ищу умомъ: што лучше ея на свѣтѣ? Ничего не нахожу, и ничего не найдши, засмѣюсь... Бабушка, или сестра спрашивать меня начнутъ: чему ты смѣешься? Рази можно безъ веселаго разговору смѣяться? Перекрестись! А я еще пуще примусь, словно бы меня въ эту минуту щекочетъ кто...

— Говорять, такъ-то бываетъ, съ порченными,—сказала Мавруша.

— Я не порченая! съ улыбкой отвѣчала подруга.

— А то, старики говорятъ, отъ книжекъ это случается... Ты читаешь эти, какъ ихъ называютъ, романсы штоли?

— Читаю...

— Ну отъ нихъ это и есть. Имъ не нужно очень-то предаваться!... Прощай Паша!... Приходи ко мнѣ подъ Новый годъ! Да не забудь сегодня подъ подушку гребень положить, — онъ тогда безпремѣнно придетъ къ тебѣ, о комъ ты тоскуешь.

Свѣтлая ночь, тишина погруженной въ сонъ улицы, голоса и шумъ, раздававшіеся вдаль, какъ-то обаятельно подѣйствовали на молодую дѣвушку. Шла она не торопясь, медленно, глядя на мѣсяцъ и сверкающія бѣлымъ снѣгомъ домовыя крыши.

«Всю ночь проходила бы, думала Паша. Или нѣтъ, сѣла бы у воротъ и все сидѣла бы, да глядѣла бы я на небо и думала!.. Хорошо теперь думать! Всѣ спать, никто не помѣшаетъ—думай сколько хочешь! А тишина-то какая! Должно быть ужъ поздно... Но тамъ еще шумять... И когда же они спать? Всю

ночь гуляютъ...» Морщина, словно темное облако, набѣжало на лицо дѣвушки.

«Вотъ и онъ теперь тамъ. Да гдѣ же ему и быть, какъ не тамъ, гдѣ люди веселятся? Вѣдь не дома же сидѣть?..»

Дѣвушка пошла скорѣе.

Вотъ блеснулъ черезъ плетень и огонекъ въ знакомомъ окнѣ, на занавѣскѣ образовалась тѣнь чьей-то головы: должно быть сестра дожидается. Паша подошла къ воротамъ, рука ея поднялась, чтобы отворить ихъ, но она осталась неподвижною...

На одномъ концѣ улицы раздались громкіе, но нестройные звуки какого-то оркестра, который, очевидно, не стоялъ на одномъ мѣстѣ, а быстро летѣлъ — и все ближе и ближе къ дѣвушкѣ. Съ музыкой смѣшались веселые людскіе голоса и звонъ бубенчиковъ и колокольчиковъ, которые обыкновенно звенятъ на ямщицкихъ тройкахъ, когда онѣ ѣдутъ куда-нибудь съ веселыми господами.

Паша стояла у воротъ и слушала эту, какъ-то странно будившую ночную тишину, музыку. Она вся отдалась ей: мужскіе и женскіе голоса пѣли веселыя, счастливыя пѣсни, — звонкія скрипки съ какою-то особенною яркою, такъ сказать, страстностью взлетывали и надъ этими голосами, и надъ гулкимъ бѣгомъ троекъ, и надъ бубенцами и колокольчиками, сопровождавшими бѣгъ. Не замѣтила въ своемъ очарованіи Паша, какъ въ улицѣ показались сани, не замѣтила она также, какъ лихая пара остановилась и изъ саней выскочилъ закутанный мужчина.

— Паша, это ты? окликнулъ подбѣжавшій къ дѣвушкѣ мужчина, откидывая воротникъ шубы, которымъ было закрыто его лицо.

— Павелъ Андреичъ! проговорила дѣвушка.

— Уже я и не думалъ, что увижу тебя сегодня: сколько разъ я здѣсь проходилъ и все не видалъ. Поѣдемъ со мной!

— Нельзя, милый, — отвѣчала дѣвушка, съ нѣжностью глядя на молодого человѣка...

— Поздно: бабенка съ сестрой хватятся, досказала дѣвушка.

— Паша, неужели тебѣ не жаль меня! сказалъ Нагоровъ. — Все ты отъ меня, ровно отъ чумы отъ какой бѣгаешь. Вѣдь у меня только и утѣхи, что ты одна! Ежели ты меня не полюбишь, я при матери при своей, пропаду... Мнѣ, кромѣ тебя, ничего на свѣтѣ не мило...

— Господи! простонала дѣвушка. Зачѣмъ ты мнѣ такія слова говоришь? Вѣдь ты знаешь: я люблю тебя.... Уходи, только поскорѣе, отсюда! Видишь, у насъ огонь; сестра, пожалуй, выдетъ.

А музыка, между тѣмъ все близилась — и вотъ она на ми-

нугу - было смольнувшая, снова разлилась по улицѣ и пѣсней, и людскими голосами, колокольчиками и бубенцами, и наконецъ этими аханьями и присвистами запѣвалы, который пѣлъ:

Э-э-эхъ! Все бы я посвѣтлицѣ ходила!

И-ахъ! Все бы я съ милымъ говорила!

— Поѣдемъ! умолялъ Нагоровъ. Вотъ хоть только разочекъ прокатимся по улицѣ, — и кончено! Видишь, какъ люди веселятся....

Ох-хъ! Ты мой милый,

Мил-лый, не наг-глядный!

продолжалась пѣсня, среди тихой ночи, вынимая, какъ говорится, душу изъ тѣхъ, кто еще не спалъ и слушалъ ее.

— Ну, поѣдемъ! покорно согласилась дѣвушка и въ какомъ-то болѣзненномъ забытьи, дрожа и плача, сѣла въ сани.

— Трогай! бойко вскрикнулъ Нагоровъ.

— Паша! Паша! раздалось позади саней; но этотъ голосъ былъ заглушенъ новымъ крикомъ Нагорова, обращеннымъ къ ямщику:

— Дѣл-лай! Жги! Въ кои-то вѣки погулять, какъ слѣдуетъ, довелось!...

Долго стояла Настя, слѣдя за исчезнувшими въ дали санями и не зная, что дѣлать. Она подумала и рѣшилась дожидаться сестры.

Настя присѣла на скамейку, разсуждая:

«Что теперь думаетъ бабенка? Скажетъ: послала посла, да за посломъ и сама поди. Да она, поди, ужъ не заснула-ли»....

Нѣсколько экипажей, крытыхъ и открытыхъ, выѣхали изъ переулка и повертели по улицѣ, мимо стараго домика. Сидѣвшіе въ экипажахъ шумѣли, кричали:

— Хочешь, я по приѣздѣ дюжину Клико ставлю?

— Эка невидаль! А я двѣ дюжины Редеру прикажу подать....

— Ты все врешь! Гдѣ ты возьмешь на Редеръ-то? Отецъ тебѣ не дастъ!

— А я будто помимо отца не найду?

— Господа, стойте!

Экипажи остановились.

— Дамы желаютъ музыку и пѣсни! Эй, музыканты, пѣвчіе, начинай: «Время мчися быстрѣй!»

Музыканты и пѣвчіе, сидѣвшіе назади въ двухъ широкихъ пошевняхъ, человекъ по двѣнадцати въ каждомъ, поспѣшили исполнить приказаніе.

«Вотъ жизнь-то богачамъ!» невольно подумала Настя. Экипажи снова тронулись, музыка заиграла и пѣвчіе запѣли.

— Къ Грачевымъ! Тамъ мы вечерокъ чудесно прикончимъ! командоваль кто-то.

Время идетъ. Настя ждетъ сестры....

Наступило утро; за тучами дыма, поднимающагося изъ фабричныхъ трубъ, блеснули первые лучи солнца. Грохотъ станковъ, оханье и продолжительный свистъ паровиковъ на все село говорили, что святки нисколько не мѣшаютъ дѣятельности мѣстной индустріи, что работа на фабрикахъ началась, и что одни только лѣнтяи и пьяницы могутъ теперь валяться и спать. Съ колоколенъ раздавался благовѣстъ, по улицамъ тащились обозы съ дровами, сѣномъ; за ними и рядомъ съ ними шли мужики, громко похлопывая обмерзлыми рукавицами; — толпами спѣшили на свой промыселъ нищіе, подъ окнами дѣтскіе голоса звонко и нараспѣвъ выводили:

Ми-ло-сти-нку, ра-ди Хри-ста-а!

Утро застало Петра Карпыча бодрствующимъ: первый рисовальщикъ нашей имперіи, часа три, какъ сидѣлъ уже за работой и быстро, одинъ за другимъ, приводилъ къ концу свои рисунки. Сальная свѣча, при которой работалъ Груздевъ, нагорѣла до самаго нельзя и не давала почти никакого свѣта; косушка съ водкой, Богъ вѣсть гдѣ добытая въ такую рань, осталась неприкосновенною и, казалось, тосковала отъ одиночества и людского равнодушія; огурцы и черный хлѣбъ, мѣстами закушенные, съ упрекомъ глядѣли на работавшаго рисовальщика и только-что не говорили: что же ты закусилъ насъ, да и бросилъ? Али ты брезгуешь нами?...

Петръ Карпычъ, весь отдавшійся цвѣточкамъ, корешкамъ и различнымъ листочкамъ, моментально возникшимъ изъ подъ его кисти, былъ чуждъ не только огурцовъ и водки, но даже и всего въ мірѣ.

Не видалъ онъ, какъ подкралось утро и разлило по чернымъ стѣнамъ избы свой блѣдно-мерцающій свѣтъ, — не слыхалъ глухихъ стонувъ, доносившихся изъ той стороны, гдѣ лежалъ и ворочался хозяинъ — рѣщикъ Гаврило Ивановъ. Только тогда уже ласковый, полный любви и признательности взглядъ рисовальщика упалъ на водку, когда онъ кончилъ послѣдній рису-

нокъ, высосаль до одной всѣ кисти и вытеръ рукавомъ сюртука потный лобъ.

— Ахъ, милая, не ушла, — все меня дожидалась! Сейчасъ, теперь я свободенъ, — дружески говорилъ рисовальщикъ, подвигая къ себѣ тосковавшую косушку. Вотъ когда выпить хорошо, такъ ужъ хорошо!..

— Карпычъ! Штожь ты? Меня-ты позабылъ?

— А—а! Проснулся.... Чутокъ же ты, Гаврило!

Гаврило заспанный, съ головой, похожей на овинъ, свѣсилъ ноги съ голой, досчатой постели и упорно глядѣлъ на рюмку.

— Ну, пей, што-ли?

Сильно дрожащей рукою, Гаврило взялъ рюмку, съ трудомъ поднесъ ее къ губамъ и страшно разсердился:

— Што же это такое? Рази у добрыхъ людей бываютъ такія рюмки? Наливай другую!

Карпычъ налилъ.

— Мала больно! Ничего донутра не доходитъ, — уже мягче заговорилъ рѣщикъ, подставляя рюмку. Ну-ка, можетъ, съ третьей-то не подѣйствуетъ-ли....

Подѣйствовала-ли третья, или это само собой такъ сдѣлалось, только Гаврило теперь другимъ человѣкомъ посмотрѣлъ вокругъ себя: взглянулъ онъ на своего друга и улыбнулся, поглядѣлъ на рисунки, разбросанные по всему столу, тоже улыбнулся и потомъ весело, какъ бы поощряя кого къ дальнѣйшимъ, хорошимъ подвигамъ, проговорилъ:

— Неужели всю ночь рисоваль?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ рисовальщикъ, — я это съ пяти часовъ утра всталъ и нарисоваль.

— Молодецъ! За это люблю.... Ну а я, братъ, всю ночь глазъ не сомкнулъ.

— Ты? Глазъ не сомкнулъ?

— Вѣрно! Жену видѣлъ: все отъ нея бѣгаль.... Какъ она насъ съ тобою ругала, другъ, — не приведи Богъ въ другой разъ слушать такое!.... «Вы обрадовались, говоритъ, пьяницы, что меня дома нѣтъ, такъ готовы весь домъ пропить. Гдѣ, говорить, имущество?» Матушка, говорю, да ничего мы не тронули, — все въ сохранности. Погляди хорошенько, — все найдешь. «И слушать, говорить, не хочу». Заругалась! Ну я не вытерпѣлъ — ударилъ! Разъ пятокъ зашибъ здорово. Што же ты думаешь? Остервенилась баба, кинулась на меня: «рожу, кричить, всю испарапаю». Думаю: плохо, ежели испарапаетъ, — завтра на заводъ нельзя будетъ показаться.... Принялся отъ нея бѣжать, она за мной — и то, значить, я на нее налечу и задолѣю,

то она на меня налетитъ и задолбѣтъ.... Такъ мы, выходить, дѣльную ночь другъ за другомъ и бѣгали....

— Это во снѣ-то?

— Какое во снѣ? Не спалъ, — на яву дѣло было! Отчего же я говорю: всю ночь глазъ не смыкалъ?...

— Ну ты и сейчасъ во снѣ,—сказалъ Петръ Карпычъ. Поди въ рукомойнику—умойся холодной водой. Освѣжаетъ....

Посылая друга умыться, самъ Петръ Карпычъ собиралъ свои рисунки и укладывалъ ихъ въ ситцевый платокъ.

— Ахъ, какъ голова трещитъ! жаловался рѣщикъ, хоть бы ты, Карпычъ, посудину другую бы прикупилъ, по аккуратнѣе косушки,—полштофъ, што-ли!... На заводъ я ужъ теперь не ходокъ.... Пушай тамъ «прогуль» записываютъ.... Да ты куда это собираешься?

— Нужно по дѣлу сходить. Ты подожди, я скоро назадъ вернусь — и водки съ собой прихвачу.

Гаврило поднялъ глаза, поглядѣлъ на друга и, замѣтивъ у него подъ мышкой рисунки, сразу сообразилъ, что Карпычъ идетъ продавать ихъ — и потому онъ вдругъ вскочилъ и бросился къ своимъ худымъ сапогамъ.

— Гаврило! ты оставайся дома. Я одинъ схожу....

— Какъ же? Такъ я тебя одного и пустилъ?

Какъ ни уговаривалъ Петръ Карпычъ остаться друга дома, но тотъ не послушался.

— Ну, я совсѣмъ! говорилъ рѣщикъ, напяливая на плеча рваное пальто. Готовъ ли ты, Карпычъ? Не задерживай!

— Да не ходи же, Гаврило!

— Нельзя мнѣ не ходить! Ну а ежели ты, возьмешь какія деньги за рисунки, и вдругъ ихъ потеряешь? Што тогда? А у меня, по крайности, все въ полной сохранности будетъ.... Такъ-то! Пойдемъ-ка!...

Хотя въ домѣ рѣщика, кромѣ черныхъ гнилыхъ стѣнъ и рыжихъ, но необыкновенно живыхъ таракановъ, ничего не было, тѣмъ не менѣе хозяинъ заперъ дверь на замокъ, а ключъ осторожно положилъ въ карманъ, то и дѣло нащупывая, дѣйствительно ли ключъ попалъ въ карманъ и не обронилъ ли онъ его какъ-нибудь на землю.

— Петръ Карпычъ, — заговорилъ дорогою рѣщикъ. Не зайти ли намъ опохмѣлиться? Благо, кабакъ на пути, — крюку не надо дѣлать.... А выпить теперича хорошо тебѣ, ахъ какъ хорошо! И въ головѣ у тебя посвѣтлѣетъ и съ хозяевами смѣлѣй разговаривать станешь.... Право, — зайдемъ!

— Но Петръ Карпычъ не только не изъявилъ своего согласія

на это предложеніе, но даже и слова не промолвилъ, шествуя къ извѣстной цѣли молча и сосредоточенно.

— Да вотъ и еще кабакъ! Не за одного себя, но и за Карпыча точно радовался Гаврило Ивановъ. На наше счастье какъ близко!.. Э—э—э! Да сколько вина-то, должно, свѣжаго подвезли! Карпычъ, взглянь на окошко!

Но Карпычъ, чтобы не поддаться соблазну, отвернулся отъ искусителя и принялся считать окна одной фабрики. Онъ твердо рѣшился не пить, пока не сбудетъ всѣ рисунки.

— Петръ Карпычъ! Вѣдь мы ужъ прошли! не унимался рѣщикъ. Воротимся поскорѣе, покамѣстъ заведеннице недалеко отъ насъ. Выпили бы по косушкѣ, а тамъ бы мы съ тобой по наукаѣ, ч-чудесно!..

Слово «наука» заставило рисовальщика отвѣтить спутнику.

— Послѣ, Гаврило, выпьемъ; а теперь у меня денегъ нѣтъ: двугривенный одинъ только въ жилеткѣ и есть.

— А ну-ка, другъ, скажи мнѣ: отчего днемъ ни одной звѣздочки не видать? полюбопытствовалъ узнать рѣщикъ. Ты вѣдь, надо думать, по своимъ наукамъ все это знаешь.

— Извѣстно—знаю! сказалъ Груздевъ. Хочешь ежели слушать, я тебѣ расскажу. Н-ну, слушай! В-вид-дишь ли ты, братецъ ты мой....

— Говори, говори! вострепнулся рѣщикъ. Мнѣ очень это занятно послушать.... Глянь, другъ Карпычъ! Вонъ еще кабакъ.... Забѣжимъ выпьемъ по малой толигѣ....

— Што-жь? покорно согласился ученый человѣкъ. Зайдемъ, пожалуй!

Гаврило Ивановъ торжествовалъ: «наука» помогла ему склонить непреклонную волю ученаго человѣка...

Въ то время, когда пріатели скрылись за дверью штофной лавочки, въ избѣ набойщика Никиты Безбрюхова происходила слѣдующая сцена: самъ Безбрюховъ, человѣкъ еще не совсѣмъ старый, но худой и болѣзненно-желтый, сидѣлъ въ тулупѣ на лавкѣ. Жена подбирала съ полу щепки и подбрасывала ихъ въ топившуюся печь. Сынъ, Александръ Никитичъ, опустивши голову, стоялъ у печки и слушалъ разсыльнаго, который пришелъ къ Безбрюхову отъ сельскаго старосты за оброкомъ.

— Какъ хошь, Никита Антипычъ, а староста мнѣ не велѣлъ отъ тебя съ пустыми руками ходить. Подавай оброкъ!

— Да вѣдь я тебѣ говорю, что у меня ни копѣйки нѣтъ,—

отвѣчалъ Безбрюховъ. Самъ я больше не работникъ: все хвораю, сынъ безъ мѣста...

— Да это што? отзывается разсылный. Староста-то, вонъ онъ прямо говорить: на праздникъ не заплатилъ, — пушай-же, говорить, послѣ праздника платить. Какой-же хрестьянинъ, коли онъ оброку не платитъ? Ты ужь, Никита Антипычъ, не вводи меня по напрасну въ слово: заплати, сколько, значить, хватить силы-мочи... Незадаромъ я, покрайности, прошасталъ къ тебѣ...

— Да нѣту ничего! Вотъ передъ Господомъ-Богомъ!.. Святые иконы видишь? Не солгу передъ ними: ей-же Богу ничуть ничего нѣтъ...

Разсылный постоялъ не много, поглядѣлъ какъ-то безнадежно по сторонамъ и сказалъ:

— Ну ужь, ежели такъ, — Богъ съ тобой! Собирайся, коли на то пошло, въ правленье, Никита Антипычъ! Староста мнѣ велѣлъ, ежели ты, будемъ говорить къ примѣру, въ оброкъ ничего не дашь, взять тебя и къ нему представить. Возьми, говорить, его подъ руку и представь ко мнѣ на лицо. Видно, дѣлать-то нечего: подемъ!

Въ глазахъ старика блеснула въ это время не то искра, не то слеза, и онъ, упершись въ лавку обѣими руками, сталъ медленно и осторожно подниматься на ноги.

— Христось съ тобой, Никита Антипычъ! Куда-ты этакой пойдешь? съ плачемъ говорила жена, бросая печку и подходя къ больному мужу. Ты погляди на себя: какой ты ходокъ?

— Надо, Семеновна! Начальство требуетъ...

— Сиди, батюшка! Я за тебя схожу, — сказалъ Александръ Никитичъ.

— Нѣтъ, Саша! Ужь лучше-же я какъ-нибудь самъ добреду... Куда тебѣ съ этихъ поръ по начальству ходить? Придетъ еще время — находишься... О-о-охъ, Господи? Помоги мнѣ на ноги встать...

Но Александръ не далъ отцу идти въ правленіе и отправился самъ къ старостѣ.

— Ахъ, отецъ, чего-бы тамъ не случилось съ малымъ? тревожилась по уходѣ сына мать, съ безпокойствомъ поглядывая на мужа, который по прежнему сидѣлъ на лавкѣ и печально поглядывалъ на замершія стекла.

— Чего случится? Нонѣ не тѣ времена, — сказалъ старикъ, видимо стараясь успокоить жену. Безъ причины обижать не стануть. Ничего, — ты за него не опасайся!

Старикъ замолчалъ. Погодя, онъ поднялъ голову и спросилъ:

— Семеновна! Будетъ намъ нонѣ поѣсть чего?

— Охъ, Никита Антипычъ, — отвѣчала жена, — только и есть одно вариво: купоросныя щи да хлѣбъ, а опричь никакого кушанья нѣту-ти.

— Ну што-же ты жалуешься? Слава Богу — пици на день есть. Чего-жь тебѣ еще надобно?

Но баба не вытерпѣла и завыла.

— Ахъ, батюшка ты мой, Никита Антипычъ! Да вѣдь, чай, у тебя у роднова, вся внутренность отъ этихъ щей прогнила. Глянъ-ко: на кого ты сталъ похожь! Краше въ гробъ кладуть...

— Дома хозлева? раздался веселый голосъ — и въ избу влетѣлъ никто другой, какъ самъ Петръ Карпычъ, первый рисовальщикъ во всей русской имперіи.

— Никита Антипычъ! Какъ ваше здоровье? освѣдомлялся Груздевъ, молодцовато подходя къ старику.

— Да все нѣтъ лучше, Петръ Карпычъ! отвѣчала больной. Все въ одномъ положеньи...

— Жаль! Даже очень жаль! А гдѣ сыночекъ?

— Пошелъ за меня въ правленье: за оброкомъ присылали...

— А-а! Понимаю...

Затѣмъ Груздевъ посидѣлъ минуты съ двѣ и простился.

— Выздоровливайте, Никита Антипычъ, — говорилъ онъ на прощаньи. Побываю опять какъ-нибудь... Понавѣдаюсь, въ случаѣ чего ежели Боже избави!.. Авдотья Семеновна! Проводите меня дворомъ, — сдѣлайте милость: я ужасно собакъ боюсь!

Собакъ на дворѣ Никиты ни теперь, ни прежде не было, и Авдотья Семеновна очень хорошо знала про это обстоятельство, но тѣмъ не менѣе она все-таки вышла проводить рисовальщика. Едва она вышла за дверь и очутилась съ нимъ одна, какъ Петръ Карпычъ сунулъ ей въ руку бумажку и на скоро проговорилъ:

— Сдѣлайте милость, Авдотья Семеновна, извините... Не говорите только сыну и старику. Извѣстно: малость; но тамъ опять какъ-нибудь... Съ теченіемъ времени... Ежели, то-есть не «накатить» на меня... то-есть ежели не запью...

Старуха крестилась, глядя въ слѣдъ удалявшемуся «рисовалѣ» и вытирала слезы грязнымъ рукавомъ своей рубахи.

Гарька ожидалъ друга на улицѣ.

— Ну што, отдалъ? встрѣтилъ онъ Груздева. Мотъ ты, братъ — Карпычъ, мотъ! упрекалъ Гарька рисовальщика. Отдалъ деньги и самъ ни причемъ остался, — удивленье! Курамъ — смѣхъ! Да што они тебѣ сродственники близкіе, што-ли?

— Гаря, молчи! Ничего ты въ этомъ дѣлѣ не смылишь.

— Гдѣ смыслить? Ты одинъ во всемъ много понимаешь! Ладно, что я еще тутъ прилучился, а то-бы ты такъ съ пустымъ

карманомъ и домой пошелъ. Я думаю: способнѣе намъ эти деньги пропить, чѣмъ такъ, зря, бросать.

— Гаврило! Я съ тобой раздружусь! пострацалъ рисовальщикъ.

— Толкуй тамъ: раздружусь! Я тебѣ дѣло говорю. Даромъ денегъ бросать не слѣдуетъ,—на землѣ монетки одной не поднимешь. Ты вотъ хотѣлъ сеюдня за свои манеры красную бумажку взять, а тебѣ дали всего шесть. Вотъ они — хозяева-то...

— Ну!

— Ты не нукай! Я говорю: не слѣдь деньги на вѣтеръ бросать. Легко што-ли они намъ съ тобою достаются?

Петръ Карпычъ чему-то засмѣялся.

— Нечего, братъ, зубы-то скалить, — не унимался Гарька. Трехъ-то цѣлковыхъ нѣтъ въ карманѣ.

Не извѣстно, долго-ли бы еще рѣщикъ продолжалъ свой ропотъ на мотовство друга, если-бы рисовальщикъ не сдѣлалъ ему такого предложенія:

— Гаря! Зайдемъ въ трактиръ закусить.

— Ой-ли! Н-ну, ежели такъ, я тебя, Карпычъ, прощаю! сказалъ Гарька, махнувъ рукою. Куда ни шло! Побѣжимъ скорѣе,—я ужъ порядкомъ продрогъ.

Послѣ такого рѣшенія, пріятель такъ стремительно двинулись, что чуть не сбили съ ногъ двухъ женщинъ, стоявшихъ на улицѣ и о чемъ-то между собою судачившихъ.

— Выворотневы дѣти! Што вы на живыхъ людей лѣзете? Не видите рази? закричала одна изъ женщинъ.

— Да ты взглянь: это вѣдь Карпычъ съ рѣщикомъ — Гарькою. Въ кабакъ, должно, норовять. Ихъ теперича отъ кабака-то дремучими лѣсами не загородишь, не токма двумя бабами. Ужъ тутъ нечего браниться, потому рази они теперь чувствуютъ себя?

— Да они теперь, какъ истуканы какіе—и глухи, и слѣпы. Ничего, кромѣ своего винища, не видять и не слышать...

Этимъ вечеромъ дошли до Петра Карпыча слухи, что Александръ Никитичъ находится въ «черной», куда засадилъ его староста за неплатежъ оброка.

На Петра Карпыча по этому случаю «накатило»...

Вечеръ подъ Новый годъ...

По селу вездѣ идутъ гаданья; мимо оконъ то и дѣло снуютъ женскія фигуры и улицы время отъ времени оглашаются молодымъ, дѣвичьимъ смѣхомъ. Трактиры полны ряжеными и посѣтителями, особенно «Коммерческій», гдѣ Павелъ Андреичъ На-

горовъ давалъ съ своими товарищами новое представленіе: «Могила Маріи, или притонъ подь Москвою». Все шумить, поетъ и пляшетъ. Контръ-басъ съ барабаномъ положительно выходятъ изъ себя. Внимательно прислушиваясь къ этому разливу святочной жизни, слышишь, какъ изъ-за взрывовъ бѣшенаго веселья, вдругъ раздадутся вопли и глухія рыданія, чудятся какіе-то болѣзненные, глубоко-страдающіе стоны и въ самыя уши назойливо набираются странные звуки, гремящіе какимъ-то злобнымъ недовольствомъ на что-то, словно бы эта всегда мертвая, даниловская жизнь злилась и проклинала свои непривычныя и потому буйныя радости...

— Другъ, Петръ Карпычъ, уйдемъ! тащиль изъ кабака своего друга рѣщикъ — Гаврило. Довольно съ тебя, будетъ! Способнѣ намъ теперича ко двору. Пойдемъ! Отдохнемъ первый сортъ. Жены нѣтъ еще, — ругать насъ некому будетъ...

— Экой ты, братецъ, какой человѣкъ несуразный, — перебивалъ рѣчь рѣщика кто-то изъ фабричныхъ, засѣдавшихъ въ увеселительномъ заведеніи. Ну што привязался къ рисовалѣ? Не трожь его! Видишь, онъ хочетъ намъ рацею рассказывать. Ну-ка, милая душа, распотѣшь насъ: отколи намъ што-нибудь поученому!

— Дѣло! Валяй, рисовало, валяй! подхватила вся компанія. Груздевъ, совершенно уже пропившійся и едва прикрытый какимъ-то грязнымъ рваньемъ, отчаянно порывался высвободиться изъ рукъ Гарьки и порывался къ стойкѣ.

— Не пойду, — прочь! кричалъ рисовальщикъ. Всѣ вы мерзавцы — и никого изъ васъ я знать не хочу, потому у меня въ головѣ настоящій умъ, а у васъ старыя подошвы. Иванъ Максимычъ, слышь? Дай водки, — заплачу!

— Ей Богу, — не надо! уговаривалъ рѣщикъ. Будетъ, — ну право будетъ! Вотъ и онъ тоже тебѣ скажетъ, — ссылался, Гаврило на угрюмаго ткача, который, подобно темной, осенней ночи, безучастно, стоялъ подлѣ пріятелей и сердито озирался кругомъ.

— Панкратъ! быстро повернулся рисовальщикъ къ ткачу. Ты здѣсь? Давай пить, братъ! На мнѣ еще, слава Богу, рубаха цѣла... Прошьемъ!... Максимычъ! подай полштофа! Ситцевая, другъ, рубаха, новая, передъ праздникомъ племянницы сшили...

— Завтра пожалуйста! Съ моимъ большимъ удовольствіемъ цѣльный штофъ подамъ, — отвѣчалъ цѣловальникъ съ добройшею улыбкою. Севодня для васъ больше не требуется. Вполнѣ ублаготворены!

— Разбойникъ! Требуется, ежели я у тебя прошу! Да пусти же меня, рванулъ вдругъ изъ рукъ Гарьки Груздевъ. Убью тебя, мошенника! закричалъ онъ, бросаясь на цѣловальника.

— Такъ ты этакъ-то нонче? тихо сказалъ кабатчикъ. А вотъ это ты видѣлъ? и за послѣднимъ словомъ раздалась громкая оплеуха.

— Вонъ!

— Ахъ, уйдемъ! Ахъ, уйдемъ поскорѣе! торопилъ рѣщикъ. Видишь: народъ-то какой! Никакой у него сноровки нѣтъ: прямо въ високъ!... Грѣхъ, Иванъ Максимычъ, слабаго человѣка такъ обижать! Грѣхъ!..

— Уходите до грѣха! грозилъ кабатчикъ. Вотъ сотскихъ позову—напляшетесь вдоволь...

— Н-нѣ-ѣтъ! Я не пойду, началъ было Груздевъ. Но тутъ уже на помощь рѣщику подоспѣлъ ткачъ — и общими силами они потащили домой буянливаго рисовалу.

— Куда вы меня, дьяволы, тащите? громкимъ, но пьянымъ голосомъ кричалъ Петръ Карпычъ. Жена!... Саша, другъ! Александръ Никитичъ,—защити! Ты, знаешь, какъ я тебя полюбилъ?... Дай и мнѣ помощь! На Гаврилу не надѣюсь: шалопуть-человѣкъ и пьяница; но на тебя!... Бѣги къ Панкрату ткачу!... Втроемъ какъ-нибудь отботаемся!.. Все у меня нутро огнемъ, дайте винца, Христа ради!

— Вотъ такъ рисовало! На разные голоса заигралъ,—смѣялись въ кабацкѣ фабричные, провожая глазами Груздева.

— Оказія, братцы, какъ сегодня Груздевъ развоевался?

— Все это отъ высокихъ наукъ!..

— А! Пропади онѣ пропадомъ эти науки!.. Отъ нихъ-то вотъ и машины-то эти на фабрикахъ завелись...

— Извѣстно отъ нихъ! Вотъ Груздевъ-то, безъ наукъ-то ежели, какой бы человѣкъ былъ!... Цѣны бъ ему не было!.. А теперь пропащій совсѣмъ!..

— Дѣло вѣдомое: пропащій!.. Куда-жь онъ теперича годенъ?.. На што?..

Въ это же самое время, въ роскошныхъ купеческихъ гостинныхъ, залитыхъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, пѣнилось въ бокалахъ шампанское и богачи-хозяева желали другъ другу счастья и всякихъ благъ. Грѣмѣла музыка, весело танцевала молодежь, и рѣзвая дѣти, съ страшнымъ гвалтомъ, обрывали роскошную елку, объѣдаясь конфектами и разными сладостями...

Ф. Нефедовъ.

Москва. 1871.

